

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1940-Е ГГ.

Петр Александрович Дружинин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
18/2 ул. Волхонка, Москва, Россия
petr@druzhinin.ru

Аннотация: Статья заполняет важную лауну в истории российской (советской) физической антропологии. На основе обнаруженных автором ранее секретных архивных документов раскрывается история антропологических исследований в лагерях военнопленных на территории СССР в 1940-е гг. По примеру антропологов времен Первой мировой войны советские ученые во главе с В.В. Бунаком инициировали и осуществили обширную исследовательскую программу под эгидой Президиума Академии наук СССР в тесном взаимодействии с органами НКВД. Публикуемые архивные материалы строго документируют работу ученых, которые в 1943 г. выдвинули идею этого масштабного исследования и представили проект заместителю председателя Совета народных комиссаров А.Я. Вышинскому. Непосредственное разрешение на проведение экспедиции было дано лично Л.П. Берией. Проект был осуществлен в 1944–1946 гг. в режиме полной секретности, которая распространялась и на публикацию результатов. В статье дается обзор антропологических исследований российских (советских) ученых с привлечением спецконтингента (призывников, военнослужащих, душевнобольных, заключенных) в качестве информантов и объясняется, почему именно спецконтингент использовался в антропологических исследованиях. Приводятся сведения о проведении антропологических исследований в отдельных лагерях для военнопленных, кадровом составе экспедиции, публикуются инструкции и методики. Автор анализирует причины того, почему этот проект и его результаты оставались под грифом секретности вплоть до распада СССР.

Ключевые слова: физическая антропология, секретные исследования, военнопленные, В.В. Бунак, Академия наук СССР, НКВД.

Для ссылок: Дружинин П. Антропологические исследования в советских лагерях для военнопленных в 1940-е гг. // Антропологический форум. 2024. № 61. С. 143–193.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-143-193

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/druzhinin.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2024, NO. 61

ANTHROPOLOGICAL RESEARCH IN SOVIET PRISONER-OF-WAR CAMPS IN THE 1940S

Petr Druzhinin

V. V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS
18/2 Volkhonka Str., Moscow, Russia
petr@druzhinin.ru

Abstract: The article fills an important gap in the history of Russian (Soviet) physical anthropology. Based on previously secret archival papers discovered by the author, the history of anthropological research in prisoner-of-war camps on the territory of the USSR in the 1940s is revealed. Following the example of anthropologists during World War I, Soviet anthropologists, led by Viktor Bunak, initiated and carried out an extensive research program under the auspices of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in close cooperation with the NKVD authorities. The published archival materials strictly document the work of the scientists, who in 1943 proposed the idea of this large-scale study, and presented the project to the Deputy Chairman of the Council of People's Commissars, Andrey Vyshinsky. The immediate permission to conduct the expedition was personally given by Lavrentiy Beria. The project was carried out in 1944–1946 under strict secrecy, which also was extended to the publication of its results. Specific information is provided on the conduct of anthropological research in a number of prisoner-of-war camps, the composition of the expedition, instructions, and methodologies. The article analyzes the reasons why the entire history and results of this project remained classified as secret until the collapse of the USSR. The article is preceded by a review of anthropological research by Russian (Soviet) scientists involving special contingents as informants, explaining why special contingents (army conscripts, military personnel, mentally ill individuals, prisoners in prisons and camps) were actively used in anthropological research.

Keywords: physical anthropology, secret research, prisoners of war, Viktor Bunak, USSR Academy of Sciences, NKVD.

To cite: Druzhinin P., 'Antropologicheskie issledovaniya v sovetskikh lageryakh dlya voennoplennykh v 1940-e gg.' [Anthropological Research in Soviet Prisoner-of-War Camps in the 1940s], *Antropologicheskij forum*, 2024, no. 61, pp. 143–193.

doi: 10.31250/1815-8870-2024-20-61-143-193

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/061/druzhinin.pdf>

Петр Дружинин

Антропологические исследования в советских лагерях для военнопленных в 1940-е гг.

Статья заполняет важную лауну в истории российской (советской) физической антропологии. На основе обнаруженных автором ранее секретных архивных документов раскрывается история антропологических исследований в лагерях военнопленных на территории СССР в 1940-е гг. По примеру антропологов времен Первой мировой войны советские ученые во главе с В.В. Бунаком инициировали и осуществили обширную исследовательскую программу под эгидой Президиума Академии наук СССР в тесном взаимодействии с органами НКВД. Публикуемые архивные материалы строго документируют работу ученых, которые в 1943 г. выдвинули идею этого масштабного исследования и представили проект заместителю председателя Совета народных комиссаров А.Я. Вышинскому. Непосредственное разрешение на проведение экспедиции было дано лично Л.П. Берией. Проект был осуществлен в 1944–1946 гг. в режиме полной секретности, которая распространялась и на публикацию результатов. В статье дается обзор антропологических исследований российских (советских) ученых с привлечением спецконтингента (призывников, военнослужащих, душевнобольных, заключенных) в качестве информантов и объясняется, почему именно спецконтингент использовался в антропологических исследованиях. Приводятся сведения о проведении антропологических исследований в отдельных лагерях для военнопленных, кадровом составе экспедиции, публикуются инструкции и методики. Автор анализирует причины того, почему этот проект и его результаты оставались под грифом секретности вплоть до распада СССР.

Ключевые слова: физическая антропология, секретные исследования, военнопленные, В.В. Бунак, Академия наук СССР, НКВД.

1. Спецконтингент как идеальный информант

После Первой мировой войны стало очевидно, насколько серьезным импульсом для развития наук о человеке может быть самое негуманное, что есть на свете, — война. Именно война открыла новые и ранее невиданные возможности для развития антропологии и этнографии. Ученые получили возможность исследовать узников лагерей для военнопленных и интернированных, т.е. выделять по своему произволу многие тысячи представителей разных стран для научных целей, причем делать это без особого противодействия со стороны изучаемых [Johler et al. 2010; Lange 2013].

Считается, что почва для такого рода исследований, когда на стороне ученых выступала оккупационная армия, была заложена профессором антропологии Берлинского университета Феликсом фон Лушаном. Еще после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., когда оккупационная армия Австро-Венгрии заняла Боснию и Герцеговину, Ф. Лушан оценил все выгоды проведения краниологических исследований в подобных условиях.

Петр Александрович Дружинин

Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Россия
petr@druzhinin.ru

Заинтересовав своими идеями военное руководство, он получил полную поддержку, равно как и возможность произвольно вскрывать средневековые захоронения на оккупированных землях. Результат работ был настолько выдающимся, что он назвал Боснию «краниологическим Эльдорадо», подчеркивая, что никогда не смог бы добиться такого научного успеха без поддержки оккупационной армии [Luschan 1881: 113–114]. Мария Тешлер-Никола, комментируя эти восторги ученого, писала: «Здесь предвидится нечто такое, что впоследствии станет отчетливо видно по масштабным исследованиям, проведенным среди военнопленных Первой мировой войны, а именно значение войны и использование связанных с ней обстоятельств для материальных приобретений, будь то обследования живых людей или расширение краниологических коллекций» [Teschler-Nicola 2009: 65].

Однако наиболее выдающейся на этой ниве была роль австрийского антрополога Рудольфа Пёха. 11 июня 1915 г. состоялось заседание Венского антропологического общества, на котором выступил президент общества анатом Карл Тольдт, сказавший, что Общество не может не использовать ту исключительную исследовательскую возможность, которую предоставляет антропологии присутствие большого числа военнопленных из всех частей европейской и азиатской России [Pöch 1915: 219]. Тот же К. Тольдт от имени общества обратился к Военному министерству Австро-Венгрии: он просил дать разрешение работать в лагерях и содействовать этой научной работе, уведомляя, что военная ситуация предоставила науке уникальную возможность одновременного проведения таких исследований. Уже 26 июня К. Тольдт сообщил обществу о положительном решении Военного министерства, причем кроме постоянного содействия министерство освобождало от военной обязанности сотрудников Антропологического института Венского университета, которые были задействованы в исследованиях. В тот же день была принята программа исследования (измерения по 32 параметрам). Было решено в первую очередь изучить малые, антропологически менее известные в Германии народы Российской империи, в частности народы Кавказа, Сибири, монголоидные народности (Stamme) юго-восточной части Европейской России и т.д. [Ibid.]. На исследование был получен бюджет 6300 крон, из которых 4000 внесла Академия наук, 2000 — Антропологическое общество, а 300 крон пожертвовал крупный чиновник и финансист Рудольф Зигхарт.

Как показывает первый отчет Р. Пёха, результаты за два месяца интенсивной работы в лагерях Рейхенберг (Либерец) и Эгер (Хеб) превзошли все ожидания. Антропологи, поселяясь в лагерях, получали помощь от сотрудников их администрации,

прежде всего от самих военных и военных врачей. В частности, администрации предоставляли пленных, которые работали переводчиками при опросах и заполнении форм, писарями, помогали при измерениях и расчетах. Р. Пёх писал, что военные события предоставляют возможность заняться изучением важных антропологических проблем и «было бы очень желательно, чтобы подобные исследования продолжались настолько долго, насколько позволят условия» [Rösch 1915: 235]. В число изучаемых народностей входили не только коренные: отдельный антропологический интерес представляло исследование этнических групп евреев Российской империи. В статье 1916 г. Р. Пёх писал:

Лагеря для военнопленных предоставляют исключительную возможность, которой никогда не существовало и, вероятно, никогда не повторится; они представляют собой беспрецедентный парад народов (Völkerschau)¹! Это явление нужно рассматривать не только с точки зрения экономии времени, сил, расходов на путешествие, поскольку к нам прибыли те народы, к которым в противном случае пришлось бы ехать самим. Но особенно нужно оценить те условия, которые оказались созданы в лагерях путем концентрации военнопленных: они гораздо более благоприятны для антропологических исследований, нежели любые другие естественные условия [Rösch 1916: 989].

Кроме того, Р. Пёх оговаривает добровольность таких измерений; его описание проникнуто чувством гуманности и необходимости подобных исследований во имя науки. Для своего времени это научное предприятие было максимально публичным, обладало превосходным оборудованием, благодаря которому кроме производства измерений делались слепки, фотографии, записывались на валики фольклорные материалы (впоследствии обработанные и изданные), снимались киноленты.

Результаты первых месяцев исследований русских военнопленных (по первому отчету Р. Пёха) были отреферированы Е.М. Чепурковским в «Русском антропологическом журнале»: «До октября 1915 года было изучено 2304 субъекта, из них 800 великоруссов, 400 малоруссов, 388 башкир, 330 татар, а также молдаване, черемисы, литовцы, кавказцы и т.д. <...> Сделаны снимки 1725 индивидуумов, отпечатки пальцев и подошв, 160 гипсовых слепков, кинематограммы и фонограммы» [Чепурковский 1916: 96].

¹ Нужно оговориться, что в те годы в качестве русского варианта немецкого Völkerschau употреблялся и термин «человеческий зоопарк» — так зачастую именовались этнографические экспозиции, которые имели успех у публики как за границей, так и в России [Лескинен 2018].

Подобные исследования тогда не практиковались отечественными антропологами, хотя на территории Российской империи также были лагеря для военнопленных немцев и австро-венгров. В целом же в российской физической антропологии сохранялась заложенная Д.Н. Анучиным линия, благодаря которой «тлетворное влияние расизма, все шире и шире распространявшееся в зарубежной антропологии, не затронуло русскую науку» [Левин 1960: 126].

Для своих антропологических исследований российские и затем советские ученые привлекали более доступный им контингент — военнослужащих. В целом еще во второй половине XIX в. (много десятилетий спустя после появления такого интереса в странах Европы) в России была отмечена важность учета данных, которые фиксировались при оформлении призывников (рекрут) [Анучин 1889]. Значительным шагом в сборе такой статистики стало введение в 1887 г. так называемых медицинских листов призываемых на службу, «т.е. карточек медицинского учета на каждого призываемого на службу, фиксировавших его вероисповедание (желательно с указанием этничности), социальное происхождение, профессию и физические данные, такие как рост, окружность груди, длина ног и вес тела» [Могильнер 2008: 420]. По сути, речь шла не о самостоятельных исследованиях, а об использовании собранных статистических данных. В СССР начинается уже целенаправленное изучение этого контингента для нужд антропологов, поскольку это было достаточно легко достижимо при наличии административного ресурса.

Например, в 1926 г. А.М. Габинский в качестве базового источника для своих исследований использовал работу с «лиц[амии] призывного возраста Одесского округа» численностью 1062 человека (параллельно с их медицинским освидетельствованием) [Габинский 1929: 43]. В 1925–1928 гг. П.П. Зам проводил измерения «молодых людей призывного возраста» при изучении вотяков (были сделаны измерения 9668 человек, из них 6504 вотяка и 3164 русских) [Зам 1929: 7]. В апреле 1926 г. под руководством А.Ф. Никитина «произведено было подробное антропологическое обследование 800 слушателей Военно-медицинской академии» [Шмерлинг 1929: 31].

Нельзя не сказать и о закрытых учреждениях для душевнобольных и преступников как источниках антропологических исследований. В области «криминальной антропологии» в России еще в дореволюционные годы прославились такие исследователи, как П.Н. Тарновская. Научные антропологические исследования преступников в закрытых учреждениях продолжались и в СССР. В середине 1920-х гг. Л.П. Николаев и Г.И. Чучукало

провели «исследование преступников в Харьковском доме принудительных работ. Всего было измерено 640 субъектов мужского пола, из них 487 украинцев, 104 великоросса и 49 индивидуумов прочих национальностей (евреев, армян, поляков и т.д.)», в возрасте от 20 до 71 года, преимущественно 20–25 лет, при этом «избирались для исследования только субъекты, осужденные за тяжкие преступления (убийства, вооруженные грабежи), причем многие были рецидивистами» [Николаев, Чучукало 1926: 110]. В те же годы проводились антропологические исследования душевнобольных татар на южном побережье Крыма [Балабан, Молочек 1926].

Отдельным доступным для антропологов контингентом стали призванные военнотруженики. Например, зимой 1922–1923 гг. университетские студенты В.В. Бунака (Я.Я. Рогинский, К.Я. Тер-Оганесов, М.Г. Левин и А.И. Ярхо) произвели измерения 529 красноармейцев [Ярхо 1924: 83]. Эту работу удалось осуществить благодаря «мандату на производство исследований» от Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете и при содействии со стороны Главного военно-санитарного управления РККА.

Тот же источник был избран Кабинетом антропологии имени Ф.К. Волкова при Всеукраинской Академии наук для «антропологического изучения нацменьшинств УССР». Работы производились «на более массовом материале, например, в конце 1929 года произведено антропологическое измерение красноармейцев N-ской дивизии в Киеве в количестве 1397 чел.» [А.Н. 1930: 202]. При этом одновременно «кабинет включил в область своей работы и серологические исследования, организовав пока еще небольшую лабораторию, и провел уже работу на массовом материале кровяных групп: исследовано групп крови украинцев Днепропетровщины — 320 человек, и красноармейцев Киева — 1397 человек. Эти исследования представляют интерес не только сами по себе, но и тем, что они производились параллельно с антропологическими измерениями (материалы обрабатываются)» [Там же].

По примеру немецких антропологов, которые проводили исследования германских детей в 1919 г., в СССР после голода 1922 г. отмечается всплеск исследований воздействия недоедания на детский организм. Так, в рамках исследований Анатомического института Крымского университета в Симферополе было выполнено антропологическое обследование 800 голодавших детей в возрасте от 6 до 16 лет в Крыму, причем с учетом отличий русских и татар [Штефко 1923]. С.А. Вайсенберг, основным научным интересом которого была антропология евреев, в мае 1923 г. производил измерения детей в столовых

Международного комитета помощи голодающим в Елизаветграде и Златополе (всего обследован 1041 ребенок в возрасте от 4 до 14 лет): автор «очень обрадовался, получив возможность исследовать детей, питающихся в Нансеновских столовых» [Вайсенберг 1924: 103]. (В рамках изучения алиментарной дистрофии антропологические измерения в годы войны активно проводились и в Ленинграде, как во время блокады, так и после ее снятия.)

Отметим, что в СССР сохранялось заложенное Д.Н. Анучиным критическое отношение к нарочитому выделению определенных национальностей в антропологических исследованиях. Так, когда в 1928 г. Антропологическим кабинетом Всеукраинского государственного института гигиены воспитания были произведены антропометрические измерения (семи главнейших признаков) детей от 8 до 10 лет, а затем на основании этих исследований вышла работа А.А. Григорьевой «Нормы физического развития детей г. Киева», то В.В. Бунак был в большом недоумении по поводу разделения исследованных детей на две группы — «славянскую»(!), включающую всех не-евреев, и еврейскую» [Бунак 1930: 210].

Ученые-антропологи, оценившие благодаря работам Р. Пёха ценность для науки методов «массовой» антропологии, постарались воспользоваться теми исключительными возможностями, которые им предоставила война. В этой связи нужно назвать имя выдающегося русского антрополога В.В. Бунака, который писал: «Антропологические исследования военнопленных проводились в России, как и в прочих странах, хотя находящиеся в России пленные, по понятным причинам, для русских антропологов представляли меньший интерес, нежели русские военнопленные для иностранных» [Bounak 1926: 352].

Мы знаем по меньшей мере двух русских антропологов, которые этой возможностью тогда воспользовались и производили исследования в лагерях для военнопленных. Первый — это сам В.В. Бунак, который упоминал о таких работах, хотя и мельком. Прежде всего в предисловии к «Crania armenica»:

С 1913 по 1917 г.г. я предпринял ряд поездок для антропологического изучения населения Закавказья и, с начала Европейской войны, по мере продвижения линии фронта к югу от русско-турецкой государственной границы, также в турецкой Армении. Мною был собран довольно значительный антропологический материал, относящийся к армянскому населению разных областей русской и турецкой Армении (частью на беженцах и военнопленных), а также к соседящим с армянами народностям — айсорам, курдам, арабам Верхней Месопотамии, туркам и пр. Мне, однако, казалось, что для надлежащего анализа

арменоидного типа и выяснения его родства с прочими евразийскими брахикефальными племенами особую важность представляет краниологическое изучение их, ибо оно дает наибольшую возможность найти точную меру сходства сравниваемых типов и анализа их состава. Вместе с тем в антропологической литературе ощущался особенно заметно пробел, именно в области краниологии армян, в которой было сделано еще меньше, нежели в общей их соматологии. Это обстоятельство было отмечено впоследствии покойным берлинским проф. Лушаном, который (в разборе работы Рейхера и в письме ко мне) отмечал особенную важность обстоятельной работы по краниологии арменоидного типа для решения многих антропологических проблем [Бунак 1927: 8]

Подробнее он говорит о том же в другой публикации:

В 1917 году <...> мне удалось побывать в областях Курдистана и Анатолии, оккупированных тогда нашими войсками. Мне удалось значительно дополнить антропологические данные об армянах, турках и курдах. Кроме того, на самом месте резни армян турками, у подножья Бингёль-Дага, в вилайете Диярбакыр, мне удалось собрать исключительную коллекцию армянских черепов [Bounak 1926: 352].

Другим антропологом, который производил измерения в русских лагерях для военнопленных, был Б.Н. Вишневский — ученик Е.М. Чепурковского. В отличие от В.В. Бунака, он проводил исследования как частное лицо, хотя и вполне официально, имея открытый лист Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Возможность фотографировать исследуемых у него также была. В контексте нашей темы интересен фрагмент вступления к статье, в которой Б.Н. Вишневский опубликовал некоторые результаты своих исследований.

Мировая война, только что пронесшаяся по Европе, с ее огромным количеством разноплеменных войск, массой военнопленных, давала антропологам воюющих стран широкую возможность производить в большом масштабе свои исследования на живых субъектах. Австрийские ученые, поддержанные материально Венской академией наук, предприняли довольно подробное изучение русских военнопленных в антропологическом и этнографическом отношениях. Среди русских антропологов пока еще не возникал вопрос об изучении находящихся в пределах России военнопленных в антропологическом отношении. Настоящая попытка в этом направлении является делом частной инициативы.

С разрешения Главного Штаба я произвел некоторые антропологические измерения среди военнопленных различных нацио-

нальностей. Всего было измерено до 1917 года 1500 человек в возрасте от 23 до 30 лет, из которых 363 были славяне, около 500 мадьяр, 76 румын, остальные — немцы. Впоследствии я значительно пополнил свои материалы.

Большинство военнопленных было занято в частных предприятиях и на заводах; по условиям времени и места я ограничился исследованием цвета волос и глаз, измерял длину и ширину головы, записывались национальность и место рождения каждого измерявшегося. Для предлагаемой работы мною обработаны данные по славянским народностям, среди которых были, правда, не в одинаковых количествах, галицийские поляки, русины, чехи, словаки, словенцы, сербы, хорваты.

Собирались материалы среди военнопленных в Пермской губернии в тяжелое время мировой бойни, когда интересы науки были отодвинуты на задний план и заслонены кровавым кошмаром войны [Вишневецкий 1921: 1–2].

2. Работали ли советские физические антропологи в эпоху Второй мировой войны?

Казалось бы, столь привлекательной для физических антропологов возможностью изучения военнопленных должны были воспользоваться и во время следующей мировой войны, но литература вопроса нас в этом не убеждает, даже напротив: ранее публиковавшиеся сведения об исследованиях контингента лагерей для военнопленных в СССР во время Второй мировой войны крайне немногочисленны. Нельзя сказать, чтобы о проведении антропологических исследований контингента лагерей для военнопленных на территории СССР в 1940-е гг. не было известно вовсе, однако широкой огласке препятствовало прежде всего секретность проводившихся работ.

Характерен и сам факт умолчания источников материала уже в первой, весьма значительной с научной точки зрения публикации — статье Н.Н. Чебоксарова «Этническая антропология Германии». Хотя автор делает попытку представить «историю того сложного антропологического конгломерата, каким является современная немецкая нация» [Чебоксаров 1946: 62], но не вводит новый материал, полученный при исследовании узников лагерей для военнопленных. Нужно полагать, что ученый не сам серьезнейшим образом обеднял свою научную работу, а шел на такие умолчания вынужденно. Нет никаких сведений об антропологическом изучении военнопленных не только в предисловиях к учебным и научным работам, но даже в обобщающей литературе по истории советской физической антропологии: это либо просто традиционное умолчание [Левин 1960],

либо даже отрицание какой-либо антропологической работы в годы войны [Залкинд 1974: 93]. Едва ли не единственным, кто при публикации своих работ указал этот источник, был М.Г. Левин. В 1961 г., т.е. в период хрущевской оттепели, в журнале «Советская этнография» вышла его статья «Некоторые проблемы этнической антропологии Японии». Вначале автор предлагает обоснование подобных работ:

В исследованиях по этнической антропологии важнейшее значение имеет выявление территориальных различий в антропологическом типе населения той или иной области страны. Это может быть достигнуто при получении массового материала, его однородности по возрасту и другим показателям, его более или менее равномерном распределении по рассматриваемой территории, при соблюдении сходных условий наблюдения и, что представляется особенно существенным, при должной унификации методики исследования. При сборе рассматриваемых нами материалов указанные условия смогли быть соблюдены в должной мере. Все антропологи, участвовавшие в обследовании, прошли предварительную практику под руководством Г.Ф. Дебеца, который лично участвовал в работах. Все описательные признаки определялись им и автором настоящей статьи. Возможное влияние субъективной оценки в нашем случае сводится к минимуму, тем более, что уроженцы разных префектур примерно в равной доле исследовались разными участниками [Левин 1961: 65].

И далее упоминает источник, из которого этот «массовый материал» получен:

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы <...> собраны в результате антропологического обследования японцев-военнопленных во время Великой Отечественной войны. Обследование проводилось по той же программе и методике, которые применяются антропологами московской школы в работах по изучению антропологического состава народов СССР. Общее число исследованных превышает 10 тыс. чел. Собранный материал относится к уроженцам всех районов Японии. Лишь немногие префектуры представлены в наших материалах числом исследованных меньше 100 человек [Левин 1961: 65].

Интересно и помещенное к этим словам примечание:

Исследование контингентов военнопленных для получения массового антропологического материала практиковалось, как известно, в разных странах в годы и первой, и второй мировой войны. Опубликованы, в частности, и работы, основанные на антропологических обследованиях советских военнопленных разных национальностей [Левин 1961: 65, сноска 10].

М.Г. Левин планировал осуществить более подробную публикацию [Левин 1961: 66], однако не успел: в 1963 г. он скончался, подготовленная им книга была издана Институтом этнографии только через восемь лет [Левин 1971]. Предисловие к ней также содержит важные сведения о проведенных в годы войны работах.

Пребывание в Советском Союзе большого количества военнопленных в годы Отечественной войны было использовано и советскими антропологическими учреждениями для получения обширных материалов по этнической антропологии ряда стран Европы и Японии.

Работа была организована с разрешения и при содействии соответствующих инстанций Институтом этнографии Академии наук СССР и Институтом антропологии Московского государственного университета.

Обследование японцев было проведено весной 1946 г. под руководством Г.Ф. Дебеца и автора настоящей работы совместно с сотрудниками и аспирантами институтов, имевших опыт антропометрических работ и участвовавших в аналогичном изучении военнопленных европейских стран в 1945 г. В группу входили: А.М. Абрамович, Г.Ф. Дебец, Н.П. Дебец, И.В. Захарова, М.Г. Левин, Р.С. Левман, А.В. Смоляк, Н.Н. Чебоксаров, К.В. Якимова [Левин 1971: 4].

Собственно, двумя упоминаниями в работах М.Г. Левина и ограничиваются сведения об этом масштабном научном предприятии. Ни один из поименованных участников ничего не писал об этом этапе своей научной биографии (хотя список ученых, как мы видим, вполне внушительен). Ответственный редактор книги М.Г. Левина В.П. Алексеев также не упоминает об этом. Возможно, что эти строки попали в печать в результате недосмотра цензуры: в 1961 г., как и в 1971, гриф секретности с этих исследований не был снят (по крайней мере публикуемые ниже архивные материалы до начала 1990-х гг. находились на секретном хранении). Только после 1991 г. и отмены цензуры появляются случайные и краткие свидетельства об этих исследованиях, в основном в литературе мемуарного характера: лимитированы они были не секретностью, как раньше, а недостаточностью фактических данных.

Этнограф и археолог М.Г. Рабинович, который в те годы занимал место ученого секретаря Института этнографии АН СССР, в своих воспоминаниях пишет о том, что «в 1943–1944 годах возобновилась экспедиционная работа Института. Ряд экспедиций дал много новых интересных этнографических материалов» [Рабинович 2005: 113]. И в другом месте: «В конце

войны, когда в советском плену оказались тысячи военнослужащих разных рас и национальностей, удалось провести широкие антропологические исследования среди военнопленных» [Рабинович 2005: 213]. Упоминание об этих исследованиях есть в биографической статье о Н.Н. Чебоксарове.

Еще шла война, а Николай Николаевич уже начал экспедиционные поездки, в которых принимали участие как студенты университета (это была их полевая практика), так и сотрудники руководимого им сектора Европы в Институте [этнографии]. С 5 августа по 5 сентября 1944 г. они выезжали в Полтавскую область Украины для антропологического исследования немецких военнопленных, а также собрали ценный этнографический материал. Аналогичную работу на Дальнем Востоке среди японских военнопленных проводил М.Г. Левин, которому удалось опубликовать результаты своих исследований. Н.Н. Чебоксаров свою монографию по антропологии Германии, написанную на основании измерений, проведенных среди немецких военнопленных, к сожалению, не смог опубликовать [Решетов 2004: 378].

Это описание не вполне точно: экспедиция 1944 г. в Полтавскую область не имела отношения к исследованиям военнопленных, она предпринималась «для сбора материалов по этнографии и фольклору» [Рабинович 1946: 113]. Неточно и примечание А.М. Решетова: «Основные результаты этой работы предварительно обобщены им в статье: Чебоксаров Н.Н. Этническая антропология Германии // КСИЭ. 1947. Вып. III. С. 55–62» [Решетов 2004: 393]. Статья, на которую дана ссылка, помещена в первом выпуске «Кратких сообщений Института этнографии», вышедшем в 1946 г., и не содержит упоминаний о той экспедиции: в ней вообще отсутствуют какие-либо сведения об источниках, на которых строится исследование.

В статье об С.А. Токареве указывается, что в 1940-е гг. в Институте этнографии АН СССР проводились работы по закрытой проблематике [Козлов 2004: 412–413], однако и здесь нет никаких подробностей. Поскольку С.А. Токарев не был антропологом, можно предположить, что в данном случае имелось в виду не исследование военнопленных, а составление институтом этнографических карт для Наркомата обороны¹.

¹ Институт этнографии АН СССР и помимо антропологического исследования военнопленных вел работы по так называемой закрытой программе, т.е. секретные. Прежде всего это относилось к созданию по поручению Управления спецзаданий Генерального штаба Красной Армии специальных этнографических карт. Во главе этих работ стояли С.П. Толстов (научный руководитель и ответственный редактор), П.И. Кушнер (редактор этнографических карт), Д.Ф. Чикин (военный консультант и спецредактор). Составление карт было основной секретной работой Института этнографии с 1943 г. Когда весной 1945 г. она была завершена, ученый совет Института этнографии

Указание на интересующие нас работы встречается в биографической статье об А.В. Стрениной (в замужестве Смоляк), ученице Н.Н. Чебоксарова, писавшей у него диплом на кафедре этнографии исторического факультета МГУ. В частности, описывается студенческая практика, о которой уже в постсоветские годы она рассказывала коллегам.

Большое внимание уделялось антропологии. Студенты-этнографы по специальным программам, разработанным М.Г. Левиным, Г.Ф. Дебецем, Н.Н. Чебоксаровым, проводили антропологические измерения в лагерях для военнопленных немцев, итальянцев, японцев. Особенно запомнилась Anne Васильевне поездка в 1945 г. в Тайшет для работы в лагере, где находились пленные японцы. Здесь под руководством М.Г. Левина и Г.Ф. Дебеца был собран массовый антропологический материал по разным локальным группам японцев. Впоследствии этот материал был обработан и опубликован [Батьянова 2000: 20; 2004: 166].

По таким отрывочным упоминаниям в мемуарной и историко-биографической литературе может показаться, что для сотрудников Института этнографии это была обычная рутинная работа, что не совсем так. Как и в случае с работами Р. Пёха в Австро-Венгрии во время Первой мировой войны, в советских реалиях времен Великой Отечественной никакие подобные предприятия не могли осуществляться без государственной поддержки и содействия. Как сформулировал М.Г. Левин в приведенной выше цитате, они проводились «с разрешения и при содействии соответствующих инстанций». Таким образом, приведенные свидетельства не должны заслонить того факта, что подобные научные исследования подразумевали сложную систему обоснований, согласований и разрешений, обычно в режиме секретности.

3. Советские антропологические исследования военнопленных: документы

Представленные ниже документы, отражающие работы антропологов в лагерях для военнопленных, до начала 1990-х гг. находились на секретном хранении. Это касается как той подборки, которая была выявлена при сквозном просмотре дел Совета народных комиссаров СССР в поисках материалов по истории Академии наук СССР в 1930–1940-е гг. (ГАРФ), так

«постановил представить на соискание Сталинской премии в области науки и изобретательства за 1945 г. работу “Исследование этнического состава населения Центральной и Юго-Восточной Европы”, выполненную в секретном порядке» [АРАН. Ф. 142. Оп. 1/1712. Д. 6. Л. 7]. И хотя премию эта работа не получила, сам факт такой совместной деятельности с Генеральным штабом служит показателем того, что военные нуждались в научном потенциале этнографов и использовали его.

и документов Архива РАН, где интересующие нас материалы отложились в делах дополнительных описей академических учреждений, ранее также засекреченных, за исключением инструкции, которая была скопирована С.П. Толстовым и сохранилась среди его бумаг. Собранный корпус источников дает возможность представить грандиозное научное предприятие 1940-х гг. в области физической антропологии.

Начало этой работе было положено инициативой В.В. Бунака, который хорошо понимал ценность подобных наблюдений для науки (он знал о работах немецких антропологов времен Первой мировой войны). Его поддержал этнограф и археолог С.П. Толстов, с 1943 г. — директор Института этнографии АН СССР и декан исторического факультета МГУ, который и сам понимал ценность такого рода исследовательской программы. Он активно интересовался антропологией со студенческих лет, когда участвовал в работе Антропологического кружка студентов МГУ под руководством В.В. Бунака.

Впервые вопрос об антропологических исследованиях военнопленных возник в 1943 г. и был следствием значительных успехов советских войск, прежде всего под Сталинградом, где с 10 января по 2 февраля были взяты в плен 91 тысяча немецких солдат и офицеров [Правда 1943]. Массово брать в плен советские войска начали и раньше: в ноябре-декабре 1942 г. армейские приемные пункты зафиксировали более 70 тысяч пленных, за январь-февраль следующего было принято более 150 тысяч [Галицкий 1990: 39–40]. Эти события положили начало расширению системы лагерей НКВД для военнопленных и интернированных [Кузьминых 2017: 92–93].

Все это было известно из сводок Всесоюзного радио и центральных газет, и неудивительно, что антропологи заинтересовались такой возможностью. Юридических причин, которые могли бы помешать этому научному предприятию, в условиях Второй мировой войны не существовало: ни Женевская конвенция 1929 г. об обращении с военнопленными (к которой, впрочем, СССР не присоединился), ни принятое в качестве собственного нормативного документа «Положение о военнопленных» 1931 г., в основном повторявшее Женевскую конвенцию, ни «Положение о военнопленных» 1941 г. не запрещали подобных исследований.

Самый первый выявленный нами документ — решение академической руководящей инстанции по вопросу будущих исследований — датируется 16 сентября 1943 г. В этот день вопрос был доложен директором Института этнографии Академии наук С.П. Толстовым на заседании Бюро Отделения истории и филологии АН СССР. Оно проходило под председательством ака-

демика-секретаря В.П. Волгина, участвовали А.М. Деборин, И.А. Орбели, А.Д. Удальцов, С.П. Толстов, М.А. Коростовцев, секретарь Е.Б. Зомбе. Сохранился только протокол этого заседания (стенограмма не велась), третьим пунктом был интересующий нас вопрос.

Слушали:

Об антропологическом обследовании военнопленных (сообщение С.П. Толстова).

Постановили:

Одобрить инициативу Института этнографии по организации антропологического обследования военнопленных.

Поддержать ходатайство Института о выделении Президиумом Академии Наук средств на эту работу [АРАН. Ф. 457. Оп. 1А. Д. 37. Л. 13]¹.

Перед нами формальный и необходимый шаг в академической бюрократии того периода — обязательное проведение любой инициативы, требующей участия Президиума Академии наук СССР, через заседание бюро определенного отделения академии. Этот шаг давал аппарату Президиума формальную возможность включиться в работу. Одновременно аналогичные административные усилия были предприняты, как мы увидим по далее публикуемым документам, и Институтом антропологии Московского государственного университета. Но главным двигателем всего предприятия станут Президиум Академии наук СССР и его академик-секретарь Н.Г. Бруевич.

В руководстве Академии наук в тот момент создалась очередная непростая ситуация. Президент АН СССР академик В.Л. Комаров оказался взят в плотное кольцо помощников, которые, по сути, оттеснили его от наиболее важных дел. Одной из причин этого была разобщенность членов президиума, которые оказались эвакуированы в разные города. В 1942 г. руководство страны «укрепило» состав президиума: в него был кооптирован бывший зампреда Вsesоюзного комитета по делам высшей школы Н.Г. Бруевич. В мае он был избран академиком и занял учрежденный специально для него пост академика-секретаря АН СССР, получив от руководства страны широчайшие полномочия. Хотя своим названием эта должность созвучна с ранее существовавшей — непременно секретаря, круг обязанностей был совсем иным. 8 января 1943 г. Сталин подписал постановление Совнаркома СССР, вводившее изменения в Устав Академии наук СССР, которое определило задачи академика-секретаря АН СССР формулировкой «осуществлять

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация архивных документов.

оперативное руководство учреждениями АН СССР от имени Президента и по поручению Президента». По сути, академик-секретарь исполнял роль связующего между руководством страны (будучи неформально подотчетен Совнаркому СССР) и Президиумом Академии наук.

Именно академик Н.Г. Бруевич был ответственным за так называемую закрытую, т.е. секретную, часть работ Академии наук¹. Не сумев после своего назначения наладить доверительных отношений с В.Л. Комаровым, он сработался с первым вице-президентом А.А. Байковым, и в целом значительная часть наиболее важных решений Президиума АН СССР в 1943–1944 гг. была проведена именно этим сложившимся тандемом без серьезного участия президента. Это касается в том числе интересующего нас вопроса.

Президиум Академии наук поддержал намерения Института этнографии и попытался самостоятельно, без привлечения высокого руководства связаться с Наркоматом внутренних дел СССР, чтобы получить разрешение на проведение работ в спецучреждениях. Однако начальник Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД И.А. Петров отказался брать на себя ответственность за подобное решение и 28 марта 1944 г. отправил в Президиум следующее сообщение.

Сов[ершено] секретно

Вице-президенту Академии Наук СССР
академику т. Байкову А.А.

Признавая всю важность значения для науки проектируемых Вами антропологических исследований военнопленных, УПВИ² НКВД СССР вместе с тем считает, что для практического осуществления работы необходимо решение СНК СССР.

Начальник Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных, генерал-майор Петров [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 108].

По этой причине следующим обращением Президиума Академии наук стало секретное письмо Н.Г. Бруевича в Совнарком СССР на имя заместителя председателя СНК А.Я. Вышинского, который в тот момент курировал работы Академии наук.

¹ Вскоре он будет активно участвовать в продвижении Атомного проекта, но конфликт с Л.П. Берией в конце концов заставит его покинуть высокий академический пост.

² Управление по делам военнопленных и интернированных.

Сов[ершено] СЕКРЕТНО
Экз. № 1.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

18 апреля 1944 г.

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
товарищу А.Я. Вышинскому

Ученые советы научно-исследовательского Института антропологии Московского государственного университета и Института этнографии АН СССР признали необходимым произвести антропологическое исследование военнопленных, захваченных Красной Армией в ходе Отечественной войны. Это решение и план работ были одобрены Отделением истории и философии АН СССР.

Подобные исследования производились во время первой мировой войны и дали ценные результаты. Достаточно отметить, что единственная антропологическая карта Германии (хотя и далеко не совершенная вследствие недостаточного числа исследованных и небольшого количества признаков) имеется в работе английского антрополога Пирсона и основана на изучении военнопленных немцев.

Исследование антропологического состава народов Западной Европы необходимо:

- а) для разрешения теоретических вопросов, связанных с происхождением этих народов, а также народов СССР;
- б) для работ по этническому составу, имеющих большое политическое значение в связи с послевоенным устройством Европы;
- в) для практических работ специального назначения.

Между тем несмотря на большое количество работ по антропологии народов Западной Европы, использование их для указанных целей связано с рядом затруднений, значительно ограничивающих возможности научного исследования.

Основные недостатки имеющихся литературных данных следующие:

- а) неполнота программ, большей частью не включающих признаки, имеющие наибольшее теоретическое и практическое значение для расовой диагностики.
- б) отсутствие унифицированной методики определения других важных признаков, вследствие чего сравнение отдельных групп затруднено или даже невозможно.

в) неполнота территориального охвата не позволяет картографировать результаты исследования, что является одним из важнейших методов современной антропологии.

Поэтому в антропологическом исследовании народов Западной Европы за последние десятилетия нельзя отметить крупных достижений. Советская антропология могла бы получить возможность наглядно продемонстрировать высокий уровень методики исследования, разработанной в наших лабораториях. Имея материал по территории, простирающейся от Сицилии до Балтийского и Немецкого моря, работы советских антропологов могли бы явиться важным этапом антропологического изучения Европы.

Исходя из этих соображений Президиум Академии Наук СССР просит Совет Народных Комиссаров СССР разрешения провести антропологическое исследование военнопленных всех национальностей, содержащихся в лагерях.

Исследование намечено провести по программе, применявшейся для изучения народов СССР и не связано со значительным отрывом военнопленных от их занятий. Необходимый для этой цели контингент составляет 20 тыс. человек. Работы могут быть произведены в течение 4-х месяцев несколькими научными работниками.

Академик-Секретарь
Академии Наук СССР
академик Н.Г. Бруевич [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003.
Л. 111–112].

К этому письму Н.Г. Бруевича прилагались план исследования и состав научной группы, утвержденные директором Института этнографии АН СССР С.П. Толстовым (в копиях, заверенных ученым секретарем М.Г. Рабиновичем).

ПЛАН АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Общее количество индивидуумов, которых необходимо подвергнуть антропологическому обследованию, составляет 21 тысяча человек.

Эта цифра складывается из следующих:

ГЕРМАНИЯ: 29 географических областей
по 150 человек — 4.350 чел.

ВЕНГРИЯ: 12 географических областей
по 150 человек — 1.800 чел.

РУМЫНИЯ: 9 географических областей
по 150 человек — 1.350 чел.

ИТАЛИЯ: 20 географических областей
по 150 человек — 3.000 чел.

Всего 10.500 чел.

Принимая во внимание наличие очень большого количества городского населения смешанного происхождения, полученную цифру надо УДВОИТЬ.

При работе двумя отрядами можно исследовать по 200 чел. в день. Таким образом на всю работу потребуется 105 рабочих дней, или около 4-х месяцев (по 25 рабочих дней в мес.) [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 110].

СОСТАВ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ ПО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННОПЛЕННЫХ

1. БУНАК Виктор Валерианович, профессор, доктор биологических наук, зав. отделом антропологии Института этнографии, зав. кафедрой антропологии МГУ, беспартийный.
2. ЛЕВИН Максим Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Института этнографии, доцент кафедры антропологии Моск. гос. университета. Беспартийный.
3. ТРОФИМОВА Татьяна Алексеевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института этнографии Академии Наук СССР, кандидат в члены ВКП(б).
4. ГИНЗБУРГ Вульф Вениаминович, кандидат биологических наук, майор медицинской службы, ассистент кафедры нормальной анатомии Военно-Медицинской Академии. Член ВКП(б).
5. ДЕБЕЦ Георгий Францевич, доктор биологических наук, профессор Московского университета. Беспартийный.
6. БАШКИРОВ Петр Николаевич, кандидат биологических наук, доцент кафедры антропологии Моск. гос. университета. Беспартийный.
7. АЛЕКСЕЕВА Екатерина Семеновна, ассистент кафедры антропологии Московского гос. университета. Беспартийная [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 109].

Документы были рассмотрены 25 апреля 1944 г. А.Я. Вышинским, который в принятии решений всегда был достаточно осторожен. Резолюция его гласила: «Надо получить программу работ (хотя бы в общих чертах) + методику А. В[ышинский]» [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 112]. 27 апреля копии письма и резолюции отправили из Совнаркома в Президиум Академии наук академику-секретарю Н.Г. Бруевичу, и через месяц, 23 мая 1943 г., требуемое было прислано при следующем письме.

Секретно
Экз. № 1.

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

23 мая 1944 г.

Заместителю Председателя
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
товарищу А.Я. Вышинскому

В соответствии с Вашим указанием о необходимости прислать дополнительные материалы по вопросу антропологического исследования военнопленных (письмо от 27.IV. — 44н. № АВ 686сс) при сем представляю программу и методику антропологического исследования военнопленных.

Академик-Секретарь
Академии Наук СССР
академик Н.Г. Бруевич [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003.
Л. 106].

Далее следовали программа и методика, заверенные печатью Института этнографии и его ученым секретарем М.Г. Рабиновичем.

Секретно.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ПРОГРАММА И МЕТОДИКА
антропологического исследования военнопленных

А. Опросная часть

1. Фамилия, имя
2. Национальность исследуемого его отца и матери
3. Родной язык исследуемого его отца и матери
4. Вероисповедание исследуемого его отца и матери
5. Место рождения исследуемого его отца и матери
6. Профессия исследуемого
7. Возраст исследуемого

Б. Измерительная часть

а) Обязательные измерения

1. Длина тела. Измеряется металлическим антропометром. Исследуемый должен быть без обуви.
2. Продольный диаметр головы.
3. Поперечный диаметр головы.

4. Наименьший лобный диаметр.

5. Скуловой диаметр.

6. Нижнечелюстной диаметр.

Измерения 2–6 берутся малым толстотным циркулем.

7. Морфологическая высота лица (от верхне-носовой точки до подбородка).

8. Высота носа.

9. Ширина носа.

Измерения 7–9 берутся скользящим циркулем.

б) Факультативные измерения

Берутся при наличии соответствующих условий на обнаруженном субъекте.

10. Ширина плеч.

11. Ширина таза.

12. Длина руки.

13. Длина ноги.

Все измерения берутся по способу, изложенному в книге В.В. Бунака «Антропометрия» и применяемому при антропологических исследованиях народов СССР.

в) Описательная часть

1. Цвет глаз.

2. Цвет волос.

3. Рост бороды.

4. Наклон лба.

5. Развитие надбровных дуг.

6. Горизонтальная профилировка лица.

7. Высота переносья.

8. Профиль спинки носа.

9. Положение основания носа.

10. Высота верхней губы.

11. Профиль верхней губы.

12. Толщина губ.

13. Строение верхнего века.

Все эти признаки определяются при помощи шкал, разработанных Научно-исследовательским институтом антропо-

логии МГУ и применяемых при антропологических исследованиях народов СССР.

Обследование одного человека по полной программе при условии предварительного заполнения опросной части бланка занимает при двух исследователях около пяти минут, по краткой (без факультативных измерений) три-четыре минуты. Всего два исследователя за 6 часов работы могут пропустить около 75 человек [ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Л. 104–105].

Процесс принятия решения о начале работ грозил затянуться надолго, но выход в результате был найден. Поскольку Н.Г. Бруевич по служебным вопросам (главным из которых был Атомный проект) контактировал с народным комиссаром внутренних дел СССР Л.П. Берией, в ведомстве которого действовало Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ НКВД), то вопрос удалось решить напрямую. Осенью начались приготовления к будущим исследованиям. Для обсуждения бланка и методики программы проводились закрытые заседания сектора антропологии Института этнографии АН СССР. На этих заседаниях присутствовал крайне ограниченный список лиц — только те, кто имел непосредственное отношение к проводимому исследованию (в отличие от обычных заседаний, на которых, как показывают протоколы, могли быть десятки участников). Также важно отметить, что протоколы этих закрытых заседаний вел сам В.В. Бунак.

Протокол заседания
Сектора Антропологии Института Этнографии
21-го ноября 1944 г., в 6 ч. вечера

Присутствовали: В.В. Бунак, М.Г. Левин, Я.Я. Рогинский, Г.Ф. Дебец, П.И. Зенкевич, И.В. Богоявленская.

В.В. Бунак сделал сообщение «Бланк для антропологического исследования военнопленных». Докладчик представил обзор типов бланков для массовых обследований принятых в СССР и за границей и предложил конструкцию, которую считают полностью удовлетворяющей требованиям и условиям исследования.

В обсуждении приняли участие все присутствующие. Конструкция бланка в целом получила одобрение, были сделаны предложения рассмотреть изменения в порядке пользования информантами, высказан ряд соображений о рубрикации шкальных признаков и метода измерения.

Окончательное обсуждение антропологической карты отложено до следующего заседания, назначенного на 28 ноября в 6 часов вечера [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Л. 28; автограф В.В. Бунака].

Протокол заседания
Сектора Антропологии Института Этнографии
28 ноября 1944 г. в 6 часов вечера.

Присутствовали: В.В. Бунак, Н.Н. Чебоксаров, П.А. Зенкевич, Е.С. Алексеева, И.В. Богоявленская.

В.В. Бунак. Сделал сообщение «Проект методической инструкции для исследования военнопленных» в трех частях: общие признаки, измерительные признаки, шкальные признаки с демонстрацией эскизных рисунков поясняющих методику.

В обсуждении представленного материала приняли участие все присутствующие. Представленный проект получил одобрение с некоторыми пожеланиями, которые учтены докладчиком. <...> [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Л. 29; автограф В.В. Бунака].

Полагая, что для будущей экспедиции было бы серьезным подспорьем участие высококвалифицированных полевых антропологов, С.П. Толстов обратился к руководителю учебными заведениями РККА В.И. Морозову напрямую.

Секретно

20 января 1945 г.

Главное военное санитарное управление
Отдел высших учебных заведений
Генерал-лейтенанту тов. Морозову

Институт Этнографии Академии Наук СССР предпринимает по поручению Президиума Академии Наук специальные антропологические обследования военнопленных. Академией получено специальное разрешение на проведение этих работ в лагерях. Работа будет проводиться в широких масштабах и должна охватить свыше 20.000 человек.

Огромное значение предпринимаемого обследования и его масштабы требуют привлечения к работе всех наличных сил квалифицированных антропологов. В Военно-Медицинской Академии им. С.М. Кирова состоит доцентом по кафедре нормальной анатомии (начальник кафедры — заслуженный деятель науки академик [В.Н.] Тонков) доктор биологических наук, майор медицинской службы Гинзбург Вульф Вениаминович.

В.В. Гинзбург является одним из немногих в нашей стране антропологов-специалистов и, с разрешения начальника Военно-Медицинской Академии генерал-полковника академика [Л.А.] Орбели, по совместительству работает научным сотрудником Института Этнографии в Ленинграде.

Сейчас настоятельно необходимо участие В.В. Гинзбурга в предпринимаемом нами антропологическом обследовании военнопленных.

Мы обратись к академику Тонкову с просьбой освободить В.В. Гинзбурга для участия в этих работах сроком на 3 месяца и получили сведения, что академик Тонков против этого возражений не имеет.

Институт Этнографии обращается к Вам с просьбой разрешить майору медицинской службы В.В. Гинзбургу принять участие в этих работах и отпустить его в распоряжение Института Этнографии сроком с 1 февраля до 1 мая сего года, дав соответствующие указания руководству Военно-Медицинской Академии.

О Вашем решении не откажите сообщить нам.

Директор Института
Этнографии АН СССР
доктор исторических наук
профессор С.П. Толстов [АРАН. Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3.
Л. 6].

Как показывает развитие событий, эта просьба была удовлетворена и В.В. Гинзбург участвовал в программе исследований.

Если подлинных бланков антропологического обследования мы разыскать не смогли, то окончательный вариант инструкции нами выявлен. Это машинописный экземпляр, который отложился среди бумаг личного архива С.П. Толстова [АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–4], причем, судя по ряду признаков, это перепечатка с другого оригинала, по-видимому, тиражного, напечатанного или на ротапринтере, или в типографии (см. Приложение).

Для начала работы С.П. Толстов запросил 15 февраля 1945 г. у академика-секретаря Н.Г. Бруевича необходимые финансовые ресурсы и материалы.

Академия Наук
Союза Советских Социалистических Республик
Институт этнографии

15 февраля 1945 г.

Академику-секретарю Академии Наук СССР
академику Н.Г. Бруевичу

В середине прошлого года Президиум Академии Наук СССР по просьбе Института Этнографии обратился в СНК СССР с ходатайством разрешить организацию антропологического обследования военнопленных в лагерях НКВД СССР.

Как Вам докладывал мой заместитель М.Г. Левин, в настоящее время вопрос разрешен в Главном Управлении НКВД СССР, куда было передано ходатайство Президиума АН, положительно.

Группа сотрудников Института Этнографии направляется Управлением в соответствующий лагерь для проведения обследования (копия отношения ГУПВИ НКВД СССР прилагается).

Для организации работа по плану Института необходимо:

- 1) Ассигновать средства, согласно смете Института (передана через Спецотдел Президиума АН).
- 2) Обеспечить экспедицию фотопластинками, фотобумагой, бумагой для напечатания карточек обследования и др. материалами.
- 3) Выделить для сотрудников экспедиции ордера на приобретение верхней одежды, так как условия в лагерях требуют надлежащей экипировки.

Прошу Вас о соответствующем распоряжении аппарату Президиума АН СССР.

Директор Института
Этнографии АН СССР
доктор историч. наук,
профессор С.П. Толстов [АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 2].

Чтобы было понятно, насколько важным считал это предприятие Президиум Академии наук, приведем резолюцию Н.Г. Бруевича, наложенную в тот же день: «Нужно обеспечить полностью. Бруевич. 15.2.45» [АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 2].

Несомненный интерес представляет и внутренний документ ГУПВИ НКВД, который относится к этому научному предприятию и приложен к письму С.П. Толстова в заверенной копии. Из него следует, что помощь экспедиции исходила от руководства НКВД. Это распоряжение начальника ГУПВИ М.С. Кривенко полковнику НКВД И.В. Млявову, начальнику управления Темниковского лагеря ГУПВИ (№ 58), расположенного на ст. Потьма Ленинской железной дороги Мордовской АССР.

Начальнику управления Лагеря НКВД № 58
полковнику тов. Млявову

Предъявитель сего заведующий отделом антропологии профессор-доктор тов. Бунак В.В., возглавляет группу научных работников институтов Этнографии и антропологии Академии Наук СССР, в составе семи человек.

В соответствии с имеющимся у Вас распоряжением о работе тов. Бунак в лагере № 58, предоставьте ему возможность провести работу, порученную ему Академией Наук Союза ССР, создав для него и работающей с ним группы необходимые условия, согласно распоряжения ГУПВИ НКВД СССР

от 30 января 1945 г. № 28/2/182, данного Вам через Народного Комиссара Внутренних дел Мордовской АССР.

Начальник ГУПВИ НКВД СССР
генерал-лейтенант Кривенко

М.П.

8 февраля 1945 года
№ 28/2/299 [АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 3].

Здесь же находится заверенная копия списка участников экспедиции, который составлен в ГУПВИ.

Список

Сотрудников Института Этнографии АН СССР,
участвующих в антропологическом обследовании.

1. Бунак Виктор Валерианович, 1891 г.р. Институт Этнографии АН СССР и Биофак МГУ. Зав. отделом антропологии, профессор, доктор.
2. Левин Максим Григорьевич, 1904 г.р. Институт Этнографии АН СССР, Биофак МГУ. Зам. директора, доцент, кандидат.
3. Чебоксаров Николай Николаевич, 1907 г.р. Институт Этнографии АН СССР, исторический факультет МГУ. Зав. отд. Европы, доцент, кандидат.
4. Гинзбург Вульф Вениаминович, 1905 г.р. Институт Этнографии АН СССР, Военно-Медицинская Академия. Зав. отделом музея, доцент, кандидат, майор медицинской службы.
5. Левман Роза Соломоновна, 1920 г.р. Институт Этнографии АН СССР. Аспирант.
7. Кондукторова Тамара Сергеевна, 1919 г.р. Институт Антропологии, Биофак МГУ. Аспирант.
8. Чикина Антонина Георгиевна, 1921 г.р. Биофак МГУ. Студентка V курса.

Зам. Нач. Отделения 2 отдела ГУПВИ НКВД СССР
[ст. лейтенант А.А.] Макчеев
8 февраля 1945 г. [АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Л. 4].

Летом 1945 г. «отрядом Особой антропологической экспедиции» под руководством П.Н. Башкирова проводилась работа в Юрье-вецком лагере № 185 и Южском лагере № 165. Сохранился отчет, завизированный В.В. Бунаком 11 сентября 1945 г.

Директору Института Этнографии Академии Наук СССР

Отчет

о работе отряда Антропологической Особой экспедиции,
работавшего под руководством П.Н. Башкирова
в Ивановской области.

Отряд в составе 9 человек — 8 студентов Исторического факультета МГУ — Трайнина Н.А., Прокофьевой Г.Г., Климовой Н.Г., Трофимовой А., Филимоновой Т., Старцевой И.Д., Сошниковой Л. и Рузиной И.П. и меня — Башкирова П.Н. — выехал из Москвы к первому месту своего назначения — лагерь № 185 (близ Юрьевца) 13 сего июля пароходом. Прибыл в лагерь ночью 17 июля и приступил к работам 19 июля. Работа в лагере была закончена 8 августа. В ночь на 27 июля в лагерь прибыл начальник экспедиции проф. В.В. Бунак, который принимал участие в работах отряда по 31 июля.

Всего в лагере и его отделениях было исследовано 4218 человек, из них:

немцев — 2367
румын — 1019
австрийцев — 277
итальянцев — 276
венгров — 148
чехов — 42
словенцев — 41
прочих — 48

Исследованию были подвергнуты все признаки, предусмотренные программой, за исключением:

- 1) Пропорции тела, которые были взяты в другом лагере в соответствии с установками, принятыми в Москве.
- 2) Цвета кожи, начиная с бланка № 2600. Диагностике этого признака мешал сильный загар исследуемых.
- 3) Высоты верхней губы и ширины рта у группы в 1200 человек. Причина — сокращение программы в целях возможности пропустить наибольшее число индивидуумов из партии, подлежащей исследованию, согласно распоряжениям администрации лагеря всего лишь в течение двух дней.

9 августа отряд выехал в лагерь № 165 (близ Южи). Работа была начата 13 августа и закончена 26 августа. Через Иваново отряд выехал 28 августа в Москву.

Всего в лагере № 165 было исследовано 3784 человек, из них:

немцев — 2461
венгров — 653
австрийцев — 235
итальянцев — 186

румын — 148
прочих — 100

Помимо всех предусмотренных программой описательных и измерительных признаков лица, головы, в лагере № 165 диагностике были подвергнуты также пропорции тела части индивидуумов тех популяций, которые исследовали в этом направлении в соответствии с положениями, принятыми в Москве, а именно

более чем из 100 человек венгров
более чем из 100 человек румын
более чем из 100 человек австрийцев

У этих же лиц были определены телосложение и главнейшие компоненты последнего, а именно: степень жиротложения, степень развития мускулатуры, форма грудной клетки, живота, спины и другие морфологические признаки.

Общее количество исследованных в обоих лагерях — 8001 человек, из них:

немцев — 4828 человек или около 60 %
румын — 1167 человек или около 15 %
венгров — 801 человек или около 10 %
австрийцев — 512 человек или около 6 %
итальянцев — 462 человек или около 6 %
прочих — 231 человек или около 3 %

Значительное количество исследованных было подвергнуто фотографированию (число израсходованных пластинок — 34 дюжины).

Сверх заданий сделано:

- 1) По просьбе начальника лагеря № 185 майора Горного произведены фотографические съемки различных объектов лагеря. Снятые пластинки были проявлены на месте и вручены начальнику лагеря.
- 2) По просьбе заместителя начальника лагеря № 165, он же начальник антифашистской школы при лагере, была прочитана для преподавателей школы лекция на тему «Расовый состав современной Западной Европы».
- 3) По предложению начальника лагеря № 165 гвардии майора Смышляева при проезде в Москву через Иваново был сделан доклад заместителю начальника Н.К.В.Д. полковнику Краснову и начальнику лагерей военнопленных Ивановской области (фамилию не помню) о целях и задачах экспедиции и о результатах ее работы.

Руководитель отряда Особой антропологической экспедиции
по Ивановской области П. Башкиров
10 сентября 1945 [АРАН. Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3.
Л. 45–45об.].

Также были проведены работы в упоминавшемся выше Темниковском лагере. Отчет об этой экспедиции был составлен М.Г. Левиным и отправлен через спецотдел АН СССР в НКВД.

Академия Наук
Союза Советских Социалистических Республик
Институт этнографии

Секретно.

В Управление Лагерьей НКВД СССР.

Специальная антропологическая экспедиция по обследованию военнопленных — представителей различных наций Западной Европы, организованная Институтом этнографии АН СССР при Вашем содействии, в настоящее время полностью закончила полевую часть работы.

Экспедиция развернула свою деятельность с начала текущего года после подготовительных научно-методических и организационных работ. В марте-апреле было осуществлено обследование военнопленных в лагере № 59 (в районе станции Потьма в Мордовской АССР) под руководством профессора В.В. Бунак и старших научных сотрудников М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова. В июле-августе параллельно работали два отряда экспедиции: первый из них под руководством профессора В.В. Бунак и доцента П.Н. Башкирова посетил лагеря в Юрьевце и Юше, второй — под начальством Н.Н. Чебоксарова имел два выезда: в лагерь № 64 (в городе Моршанске Тамбовской области), и в лагерь № 29 (в селе Пехта-Арал Южно-Казахстанской области). Всеми отрядами обследовано около 23.000 человек, из них 10.200 немцев, 5.100 итальянцев, 3.100 румын, 3.000 венгров и свыше 900 человек других народов (поляков, чехов, словаков, евреев, цыган и т.д.).

Работа экспедиции все время протекала в нормальных условиях. Благодаря содействию Управления и администрации лагерей удалось развернуть обследование в широком масштабе и закончить его в сравнительно короткий срок по полной программе, которая состояла из опросно-анкетной части, антропометрических измерений, определения описательных признаков, и фотографирования. Во всех лагерях экспедиция была обеспечена достаточными по размерам и светлыми рабочими помещениями с необходимым оборудованием (столы, скамейки, письменные приборы и т.д.). Из числа проверенного актива военнопленных администрацией и политруководством лагерей были выделены переводчики различных национальностей, необходимые для заполнения анкетной части обследовательского бланка и для переговоров с военнопленными во время измерений. Подача военнопленных на обследование проходила организованно, в подавляющем большинстве случаев в заранее

намеченные точные сроки, что обеспечило высокую пропускную способность работавших отрядов (до 300–400 человек в день). Вполне удовлетворительными были также бытовые условия, созданные в лагерях для сотрудников экспедиции (питание, квартира, постельные принадлежности и т.д.). Большое содействие оказано администрацией лагерей и в транспорте.

Отмечая все эти факты, считаю необходимым принести Управлению глубокую благодарность за внимательное и предупредительное отношение к важной научной работе, развернутой Институтом Этнографии.

Собранные специальной экспедицией материалы как по количеству обследованных, так и по полноте программы и по общей обширности охваченной территории Западной Европы далеко превосходят все, что до настоящего времени опубликовано в научной литературе по антропологии большинства европейских стран. После статистической и научной обработки материалы эти дадут возможность по-новому осветить целый ряд важнейших проблем истории и антропологии Германии, Италии, Австрии, Венгрии, Румынии и некоторых других европейских государств.

Результаты обработки материалов будут Вам сообщены дополнительно.

Зам. директора Института Этнографии
кандидат исторических наук, доцент М.Г. Левин [АРАН.
Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3. Л. 47–47об.].

16 ноября М.Г. Левин передал в спецотдел АН СССР и секретный отчет о работах для представления президенту Академии наук.

Секретно. Экз. № 2

Президенту Академии Наук СССР
академику С.И. Вавилову

Глубокоуважаемый Сергей Иванович.

Сообщаю Вам о результатах недавно закончившейся важной работы Института Этнографии по антропологическому обследованию военнопленных.

Работа эта готовилась институтом в течение всего 1944 года под руководством профессора В.В. Бунака. Была разработана детальная программа обследования, отпечатаны соответствующие бланки, определен приблизительный состав измеряемых и разрешены все организационные вопросы.

В течение марта-сентября текущего года, с разрешения Главного Управления лагерей НКВД, специальная экспедиция института провела антропологическое обследование

военнопленных различных национальностей в ряде пунктов. Благодаря содействию Управления и администрации лагерей, удалось развернуть работы в широком масштабе и закончить их в сравнительно короткий срок по намеченной программе, включавшей антропометрические измерения головы, лица и тела, определение описательных признаков и фотографирование. Всего обследовано около 23.000 человек, из них 10.200 немцев, 5.100 итальянцев, 3.100 румын, 3.000 венгров и свыше 900 человек других народов (поляков, чехов, словенцев, евреев, цыган и т.д.).

Собранные материалы как по количеству обследованных, так и по полноте программы и по обширности охваченной территории Западной Европы являются самыми крупными среди опубликованных в научной литературе по антропологии большинства европейских стран. Впервые можно будет поставить детальное изучение географических вариаций физического типа населения в Германии, Австрии, Италии и дунайских странах, которые до настоящего времени лишь частично подвергались систематической антропологической съемке при помощи современных методов исследования. Добытые экспедицией результаты позволят по-новому осветить основные вопросы этногенеза центрально- и южноевропейских народов, используя антропологические материалы в качестве исторического источника. Особенно велико значение развернутых работ для таких проблем, как соотношение расовых и этнических группировок населения Европы на различных этапах исторического развития, как историческая география славянских, германских и других европейских народов, как формирование локальных особенностей физического типа в связи с процессами метисации и миграций и так далее.

Сейчас Институт готовится к проведению аналогичных антропологических работ среди военнопленных японцев, на что, благодаря содействию академика Н.Г. Бруевича, получено уже разрешение тов. Берия.

Пользуюсь случаем, чтобы обратить Ваше внимание, глубокоуважаемый Сергей Иванович, на очень тяжелое положение в Институте с научным оборудованием. Мы почти не располагаем ни фотооборудованием, ни антропологическим инструментарием, ни фонографом и валиками для записей фольклорного материала. Большая часть этого оборудования получалась до войны из-за границы.

Мы поднимали в свое время вопрос о получении научного оборудования (фотоаппараты, фонографы, антропологический инструментарий) из Германии, но до сих пор это, к сожалению, не реализовано.

Прошу Вашего содействия в этом деле.

Зам. директора Института Этнографии
Академии Наук СССР
кандидат исторических наук, доцент М.Г. Левин

Отпечатано 2 экз.

1 — адрес

2 — в дело

16 ноября 1945 г.

Черновик уничтожен [АРАН. Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3.
Л. 48–48об.].

Судя по следующим событиям, С.И. Вавилов дал распоряжение о выделении имевшегося в наличии в АН СССР из необходимого оборудования и снаряжения для экспедиции по антропологическому исследованию японцев. 19 декабря 1945 г. М.Г. Левин подал через спецотдел АН СССР следующее заявление.

Секретно.

В Отдел материальных фондов АН СССР.

Институт этнографии получил через академика-секретаря АН СССР Н.Г. Бруевича разрешение Народного комиссара внутренних дел СССР произвести антропологическое обследование военнопленных японцев. Работа будет проводиться в лагерях НКВД, расположенных в Восточной Сибири, в течение трех месяцев, с 15 января до 15 апреля 1946 г.

Прошу Вас обеспечить экспедицию необходимым научным оборудованием и экспедиционным снаряжением. С финансовым отделом Академии наук вопрос согласован.

Зам. директора Института Этнографии М.Г. Левин [АРАН. Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3. Л. 50.].

Список
предметов научного оборудования и экспедиционного
снабжения
для специальной антропологической экспедиции

1. Фото-пластинки 9 x 12	— 20 дюжин
2. Фото-бумага	— 150 листов
3. Химикалий для пробного проявления в небольшом количестве	
4. Спирт-ректификат	— 2 литра
5. Марля	— 10 метров
6. Мыло хозяйственное	— 10 кусков
7. Полотенца	— 4 штуки
8. Свечи	— 30 штук

9. Бумага для напечатания карточек обследования — 100 кг
10. Бумага писчая — 15 кг
11. Копирка — 50 листов
12. Карандаши — 20 штук
13. Резинки — 10 штук
14. Перья — 30 штук
15. Валенки мужские — 4 пары
16. То же женские — 5 пар
17. Галоши на валенки мужские — 4 штуки
18. Галоши на валенки женские — 5 штук
19. Полушубки — 9 штук
20. Белье теплое или фланель — 9 комплектов
21. Носки шерстяные — 9 пар
22. Свитеры шерстяные — 9 штук
23. Рюкзаки — 9 штук
24. Шерсть на пошивку 9 костюмов

Зам. директора Института Этнографии М.Г. Левин [АРАН. Ф. 142. Оп 1/1712. Д. 3. Л. 51–51об.].

В начале 1946 г. С.П. Толстов обратился в НКВД относительно разрешения на работы с пленными японцами (к тому времени А.Н. Бронников был уже в звании капитана).

28 января 1946 года

Исх. № 003 с[екретно]

В Управление лагерей Н.К.В.Д.
Майору т. Бронникову

Прошу Вас оформить, согласно договоренности с моим заместителем т. Левиным М.Г., доступ к работе в лагере по антропологическому обследованию военнопленных японцев и выдать пропуска участникам экспедиции в намеченный нами лагерь.

Экспедиция задержалась вследствие необходимости подготовительных работ и предполагает выехать 15–20 февраля сроком на два месяца.

Приложение: список участников экспедиции.

Директор Института этнографии
доктор исторических наук
профессор С.П. Толстов [АРАН. Ф. 142. Оп. 1/1712. Д. 6.
Л. 1].

Список участников
 спец. антропологической экспедиции
 1946 г.

Левин Максим Григорьевич, начальник экспедиции, Институт этнографии АН СССР, зам. директора, кандидат исторических наук, 1904 г.р., б/п.

Чебоксаров Николай Николаевич, Институт этнографии АН СССР, зав. отделом Европы, кандидат исторических наук, 1904 г.р., б/п.

Дебец Георгий Францевич, Институт этнографии АН СССР, старший научный сотрудник, доктор биологических наук, профессор, 1905 г.р., б/п.

Дебец Надежда Петровна, Институт этнографии АН СССР, младший научный сотрудник, 1903 г.р., б/п.

Захарова Ирина Витальевна, Институт этнографии АН СССР, младший научный сотрудник, 1923 г.р., б/п.

Стренина Анна Васильевна, Институт этнографии АН СССР, младший научный сотрудник, 1921 г.р., чл. ВЛКСМ.

Левман Роза Семеновна, Институт этнографии АН СССР, аспирант, 1920 г.р., б/п.

Кондукторова Тамара Сергеевна, Институт антропологии [МГУ], младший научный сотрудник, 1919 г.р., чл. ВЛКСМ

Башкиров Петр Николаевич, Институт антропологии [МГУ], кандидат биологических наук, 1897 г.р., б/п

Абрамович Адасса Моисеевна, Институт антропологии [МГУ], аспирант, 1919 г.р., чл. ВЛКСМ [АРАН. Ф. 142. Оп. 1/1712. Д. 6. Л. 2].

Уже в марте 1946 г. первые сотрудники были отправлены в Восточную Сибирь, о чем свидетельствует письмо М.Г. Левина начальнику Иркутского лагеря ГУПВИ (№ 32) Ф.И. Кадышеву.

Секретно

20 марта 1946

Начальнику лагеря № 32
 Подполковнику тов. Кадышеву

Многоуважаемый тов. Кадышев!

Направляю Вам двух сотрудников моей экспедиции тов. Левман Розу Семеновну и тов. Абрамович Адассу Моисеевну.

Я лично с остальными сотрудниками выеду в ближайшие дни. Из Иркутска к Вам прибудет сотрудник экспедиции профессор Дебец Георгий Францевич.

Прошу Вас оказать сотрудникам экспедиции содействие, устроив их до моего приезда и дать им возможность провести подготовительную работу.

С почтением

Начальник экспедиции

Зам. директора Института этнографии

Академии наук СССР доцент М.Г. Левин [АРАН. Ф. 142.

Оп. 1/1712. Д. 6. Л. 5].

Этим документом хронологически завершается выявленный нами комплекс архивных материалов, касающихся антропологических исследований узников советских лагерей для военнопленных.

4. После Нюрнберга

В начале статьи было отмечено, что сведения об этом предприятии практически не попали в научную литературу, вместе с тем приведенные документы говорят о серьезном, можно сказать, беспрецедентном для советской антропологической науки исследовании. Может показаться странным, что столь масштабная исследовательская программа, предпринятая совместными усилиями Академии наук СССР и Московского университета при содействии НКВД СССР и лично Л.П. Берии, позволившая собрать исключительно ценные научные материалы, не получила никакого освещения. Понятно, что работа со «спецконтингентом» могла вестись только под грифом «Секретно», однако, как было показано, даже результаты этой работы были опубликованы крайне отрывочно. Материалы исследования, по-видимому, бесследно исчезли: многочисленные фото-материалы, антропологические бланки, подробные отчеты — ничего этого обнаружить не удалось.

Вероятно, для такого умолчания было несколько причин, из которых основная — роль антропологов в нацистской Германии, использование данных физической антропологии для обслуживания идеологии нацизма. Безусловно, русская и затем советская антропология шли иными путями: «Зараза расизма очень мало затронула российскую науку. Ничего сравнимого — ни по объему, ни по солидности — с тем, что публиковалось на тему о биологическом неравенстве рас в США, Германии, Великобритании и Франции, в дореволюционной России не было (не говоря уже об СССР, где расистская литература вообще не издавалась и издаваться не могла)» [Козинцев 2009: 436]. О том же пишет В.А. Шнирельман (позволим себе длинную цитату):

Один из наиболее авторитетных советских антропологов В.В. Бунак, разделяя представление об объективности расовых общностей, тем не менее делал акцент на изменчивости при-

знаков, стадиальности, метисации. Похоже, что главными для него были не какие-либо устойчивые категории, а процесс: «Определение расы как этапа формообразования и означает непрерывность процесса дифференциации и характеризует расу как состояние некоторого равновесия в процессе расообразования, осуществляемого на данной территории и в данный отрезок времени. Поэтому одинаково односторонне подчеркивание как абстрактности понятия о расе, так и его реальности». При этом советские ученые категорически отвергали представление об иерархии рас и о каких-либо «высших» и «низших» расах, а также расовую интерпретацию национального единства. Например, Бунак под расой понимал «группу индивидуумов, объединяемых единством происхождения (а не сходством морфологических признаков и не общностью участия в воспроизводстве потомства), которое устанавливается на основе учета территориальной общности, морфологического сходства и законов изменчивости... Раса — это этап формообразовательного процесса, выражение некоторого его равновесия». Иными словами, для него «расовый тип» выражал «результат некоторого равновесия и изменчивости, установившегося в предшествующую эпоху». Поэтому расу он трактовал как «реальность в прошлом». Какую-либо связь между нацией, развивающейся по социальным закономерностям, и расой как «естественно-исторической категорией» он, безусловно, отрицал. Поэтому в представлении об «арийской расе» он видел анахронизм, от которого наука давно отказалась.

Я.Я. Рогинский также демонстрировал, что особенности интеллекта связаны с культурной и социальной средой, а не с расой. Он разделял представление о различиях «психологического склада» разных народов, но объяснял это не «кровью», а историко-культурными причинами. К расе это не имело никакого отношения. Г.Ф. Дебец приводил аргументы в пользу отсутствия каких-либо жестких связей между расой и языком. В популярном советском учебнике по физической антропологии расы рассматривались как подразделения вида *Homo sapiens*, отличающиеся физическими признаками. При этом подчеркивалось, что «эти признаки не имеют сколько-нибудь существенного значения для жизнедеятельности человека». В то же время их возникновение связывалось с «воздействием на ряд поколений географических условий в глубокой древности». <...> Поэтому главными направлениями исследований советских антропологов стали антропогенез, расогенез и этногенез, и они направляли все свои силы на изучение истории возникновения человека и формирование физического типа современных народов. Никаких «расовых взглядов» такие исследования не предполагали <...>.

В отличие от нацистской Германии, где целые научные коллективы были призваны обосновывать правомочность «расовой»

дискриминации и геноцида, советские ученые все же были избавлены от обязанности создавать научные аргументы для сталинских репрессий, включая депортации целых народов. Напротив, начиная с 1930-х гг. советским биологам и физическим антропологам вменялось в обязанность участвовать в официальной пропаганде, направленной против расизма, и развивать «нерасистский подход» в расоведческих исследованиях. Разумеется, эта пропаганда была обращена прежде всего к внешнему миру, но она создавала и определенный идеологический климат внутри страны, поддерживая в обществе «интернационалистические» настроения [Шнирельман 2011: 228–230].

Однако завеса тайны, которая покрыла не только результаты, но и сам факт проведенных антропологических исследований в лагерях для военнопленных, говорит о том, что и внутри СССР такие исследования в послевоенные годы воспринимались уже иначе, нежели просто масштабное научное исследование. Эта перемена отношения может иметь ряд причин: этическую и, что было важнее для советской системы координат, идеологическую.

После Нюрнбергского процесса любые исследования военнопленных приобрели совершенно иную этическую коннотацию и перестали быть рутинным научным предприятием, даже несмотря на то, что в советских исследованиях соблюдалась полная безопасность исследуемых. И хотя тогда еще не было написано подробных работ о роли антропологии в системе идеологии нацизма (наилучшей на сегодняшний день можно назвать книгу Жюльена Рейтценштейна [Reitzenstein 2019]), однако протоколы допросов по вопросу так называемой коллекции еврейских скелетов, которая с одобрения Гимmlера формировалась под руководством Августа Хирта, изданные по-английски [Trials 1949: 54–57], в 1959 г. были напечатаны и по-русски¹. Материалы Нюрнбергского процесса также были изданы в СССР [Руденко 1959]. В 1961 г., одновременно со статьей М.Г. Левина с упоминанием об исследовании японских военнопленных, в Варшаве выходит знаменитая книга Шимона Датнера о преступлениях вермахта в отношении военноплен-

¹ Во время допроса Вольфрама Зиверса было зачитано письмо А. Хирта к адъютанту Гимmlера Рудольфу Брандту, в нем указана последовательность таких работ, на которые выделялись специальные уполномоченные лица: «Он должен предварительно заснять их на пленку, провести антропологические измерения и, насколько это возможно, установить происхождение, дату рождения заключенного и другие личные данные о нем. Вслед за тем, как эти евреи будут умерщвлены, — причем надо следить за тем, чтобы голова не была повреждена, — уполномоченный отделит голову от тела и пошлет ее в герметически закрытом жестяном ящике» и т.д. [Руденко 1959: 474–475]. Еще более зловещи строки об «антропологических опытах» в лагере Освенцим, по поводу которых имеется несколько страниц протокола допроса В. Зиверса, где обвинитель от Великобритании Ф. Джонс говорит о том, что наряду с измерениями и снятием слепков имели место «другие опыты, носившие гораздо более зловещий характер, чем антропологические измерения» [Там же: 478].

ных. В конце 1963 г. ее авторизованный перевод издается в Москве, и в нем также говорится об антропологических исследованиях [Датнер 1963: 405–406].

Иными словами, антропология военнопленных, неоднократно фигурировавшая в контексте военных преступлений, не должна была ассоциироваться с советской наукой. Кроме того, в 1949 г. указом Президиума Верховного Совета от 17 апреля 1954 г. СССР ратифицировал Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. «О защите жертв войны». В так называемой Третьей Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» в статье 13 устанавливалось следующее обязательство стран-участниц: «Ни один военнопленный не может быть подвергнут физическому калечению или же научному или медицинскому опыту какого бы то ни было характера, который не оправдывается соображениями лечения военнопленного и его интересами» [Женевская конвенция 1949: 132].

Таким образом, если до Нюрнбергского процесса вопрос об этике исследований на человеке обсуждался только в пределах науки, то после Нюрнберга отношение к такого рода исследованиям резко изменилось. Впрочем, никаких международных актов не было тогда принято, а так называемый Нюрнбергский кодекс (1947) в действительности не носил юридического характера, будучи лишь декларацией: формально это часть приговора «Суда над врачами»¹. Тем не менее декларация о необходимости добровольного согласия пациентов на исследования, в которой говорилось о том, что испытуемый при этом должен «иметь возможность осуществлять свободный выбор» [Юдин 2007: 47], ясно давала понять, что существуют категории, которые априори ограничены в праве выбора: «Фактически в “Кодексе” шла речь только о военнослужащих, военнопленных и заключенных тюрем» [Михель 2015: 34].

Так научное исследование, исключительное по своим замыслам и собранным материалам, проведенное без нарушений прав военнопленных и в соответствии с существовавшим в тот период и советским, и международным законодательством об обращении с военнопленными, вступило в полное несоответствие с послевоенными этическими принципами. То есть любые

¹ В СССР этот кодекс не был известен несколько десятилетий: единичные его упоминания в научной литературе встречаются в 1970-е гг. (первое, которое удалось отыскать, — в переводе из английского журнала “New Statesman” об опытах на пациентах в клиниках США — помещено в 1971 г. в «Литературной газете» [ЛГ 1971]). Впервые на русском языке Нюрнбергский кодекс был опубликован только в 1993 г. в журнале «Врач»: «Может быть, это произошло потому, что подготовили “Нюрнбергский кодекс” американцы <...>. Вероятнее же всего, потому, что в нашей стране считалось, что все заключения Нюрнбергского трибунала относятся к врачам нацистской Германии, а никак не других стран, и уж тем более не могут быть применены в Советском Союзе» [Созинов 2008: 26].

упоминания о подобных исследованиях бросали тень на «гуманизм советского человека», поэтому все материалы о проведенных исследованиях были либо засекречены, либо уничтожены.

Приложение

ИНСТРУКЦИЯ

для антропологического обследования военнопленных
1945 г.

Общие правила

1. Время для обследования устанавливается применительно к местным условиям от 7 часов до 19 часов.

2. Для того, чтобы обеспечить высокий уровень точности и избежать притупления внимания исследователя, настоятельно рекомендуется ограничить период непрерывной работы 4 часами, приступить к следующей серии исследования не ранее, чем после двухчасового перерыва. Общее число рабочих часов 8, из них 4 утренних, 4 дневных (после перерыва).

3. Контрольная цифра пропускной способности для группы 2–3 исследователей устанавливается в 8–10 человек в час, то есть 70 человек в день; для группы 5–6 исследователей — 130 человек.

4. Руководитель группы обязан путем предварительных переговоров с администрацией обеспечить бесперебойную присылку исследуемых. Вместе с тем необходимо принять меры к сокращению до минимума скопления исследуемых и создания больших очередей.

Рекомендуется заблаговременно составить списки назначаемых к исследованию в данный день с разбивкой их на группы по 10–12 человек и с назначением последовательных часов явки.

Для составления предварительного списка выделяется сотрудник бригады в часы после окончания исследования.

5. Установка для фотографирования должна быть подготовлена до начала работы в данный день.

Исследуемые, намечаемые для фотографирования, задерживаются до окончания осмотра группы. Самую фотосъемку следует приурочить к моменту перехода от одной партии к другой.

6. Рекомендуется заполнить общие сведения бланка для всей группы в 10–12 человек сразу, а затем вызывать для осмотра по имеющимся бланкам.

7. Все пункты бланка, в том числе и общие сведения, должны заполняться сотрудниками бригады. Привлечение к за-

писыванию отметок под диктовку посторонних лиц допустимо лишь в исключительных случаях по особой мотивировке.

8. Нумерация бланков производится в порядке их заполнения в каждом пункте обследования, начиная с № 1.

9. Распределение работ между сотрудниками производится руководителем бригады.

10. Руководитель бригады ведет дневник работы, внося в него все сведения об условиях и обстановке работы, времени начала, конца, перерыва, распределения работы между сотрудниками, выполнения контрольных цифр, график собранного материала по национальностям, возникшие отклонения от методики, а также все прочие сведения организационного и научного характера.

11. Все бланки должны быть четко подписаны руководителем бригады.

12. По окончании дневной работы все бланки собираются в стопку и перевязываются отдельно.

13. Руководители бригады обязаны телеграфно сообщать в Москву о ходе выполнения исследования (контрольные цифры).

14. При заполнении общей части бланка, а также при производстве измерения, привлекаются переводчики, о прикомандировании которых руководитель заранее уведомляется с администрацией.

15. Руководитель и сотрудники обязаны тщательно следить за строгим соблюдением правил гигиены в отношении инструментов, раздевания исследуемых (отдельные стулья), рабочих халатов.

16. Учитывая большое культурно-политическое значение обследования, все участники бригады обязаны показать образец строгой рабочей дисциплины, организованности рабочего процесса и места работы, вежливого и внимательно-го отношения к исследуемым.

Общие сведения об исследуемом.

Фамилия, имя — записываются в русской транскрипции по фонетическому принципу.

Дата рождения — пишутся подряд три цифровых обозначения: число месяца, порядковый номер месяца латинскими цифрами, год рождения; следующий квадрат предназначен для внесения числа лет от роду, в момент исследования остается незаполненным.

Подданство — отмечается наименование государства, например Германия, Чехо-Словакия.

Место рождения — графа заполняется в следующем порядке: 1) название города или селения, 2) для сельских местностей — название сельской общины, 3) название округа, 4) название области.

Родной язык — диалектические деления принимаются во внимание.

Вероисповедание — самого исследуемого или его родителей, отмечается по собственному определению опрашиваемого.

Место рождения отца и матери — отмечается лишь город или область, более детальное определение не вносится. Два названия пишутся в строку — разделяются тире, данные для отца — ставятся впереди.

Национальность отца и матери — графа заполняется в том же порядке по собственному определению опрашиваемого.

Занятие — предусматривается, главным образом, профессия, но также и положение в ней, и социальное положение. Отметки должны быть кратки; например крестьянин, сельхозработчий, мелкий землевладелец, рабочий мастерской, фабрики, хозяин мастерской, продавец, хозяин магазина и пр.

Семейное положение — число детей отмечается по сведениям, сообщаемым исследуемым.

Измерительные признаки.

При определении размеров следует соблюдать правила, изложенные в книге В.В. Бунака «Антропометрия», 1941 г. и со следующими пояснениями:

Поза измеряемого, стр. 60, 73, 82.

Дыхание измеряемого, стр. 62.

Обнажение измеряемого, стр. 63.

Обстановка исследования, стр. 63.

Определение точек тела, стр. 67.

Определение точек головы, стр. 28.

Установка антропометра и работа с ним, стр. 66.

Работа с циркулями, стр. 73–74, 82.

Детали отдельных измерений:

1. Высота верхушечной точки — стр. 57.

2. Высота козелковой точки — стр. 69 (№ 3).

3. Высота верхней плечевой точки — стр. 70 (№ 17).

4. Высота верхней грудинной точки — стр. 69 (№ 6).

5. Высота верхней подвздошной остистой [так!] точки — стр. 70 (№ 14).

6. Высота лобковой точки — стр. 69 (№ 9).
7. Высота пальцевой точки — стр. 70 (№ 20).
8. Диаметр биакромиальный — стр. 74 (№ 44).
9. Диаметр тазогребневый — стр. 74 (№ 51).
10. Диаметр продольный — стр. 84 (№ 7).
11. Диаметр поперечный — стр. 85 (№ 10).
12. Диаметр н. лобный — стр. 85 (№ 11).
13. Диаметр н. скуловой — стр. 83 (№ 14).
14. Диаметр н. челюстн. углов. п. — стр. 89 (№ 26).
15. Физиол. высота лица — стр. 89 (№ 27).
16. Морфол. высота лица — стр. 89 (№ 30).
17. Высота носа от назиона — стр. 90 (№ 34).
18. Высота носа от селлиона — стр. 90 (№ 34).
19. Ширина носа: скольз. цирк. между двумя носокрыльными точками (стр. 28), ножки проставляются контактно. Линейка строго горизонтальна, ноздри исследуемого в спокойном состоянии.
20. Ширина рта: скольз. циркуль между двумя губноугловыми точками; измерение аналогично предыдущему, рот измеряемого в спокойном состоянии.
21. Толщина слизистой части верхней и нижней губ — стр. 90 (№ 43).

Шкальные признаки.

При определении шкальных признаков следует руководствоваться альбомом рисунков, описаниями в книге Бунака «Антропометрия» и следующими пояснениями:

Для первых шести признаков в графу вносятся цифровые обозначения варианта.

1. Цвет кожи — определяется по шкале Ф. Лушана (стр. 178).
2. Цвет радужины — определяется по схеме проф. Бунака (стр. 185); в графу вносится цифровое обозначение 1–12.
3. Цвет волос головы — при определении по шкале проф. Фишера (стр. 80) отмечается подходящий № 2 или промежуточные между двумя №, которые отмечаются в виде гроба.
4. Густота бровей — стр. 237. Определяется независимо от протяженности и формы.
5. Рост бороды — стр. 238.

6. Рост волос груди — стр. 239.

Для всех остальных шкальных признаков отметки в бланке вносятся следующим образом: наименование соответствующего варианта, напечатанное в бланке, обводится чернилами со всех сторон в виде четырехугольной рамки. Никаких иных отметок в бланке вносить нельзя. Дополнительные сведения помещаются на оборотной стороне бланка или записываются в дневнике.

7. Надбровные дуги — стр. 262.

8. Лоб, наклон — стр. 262.

9. Затылок, сагиттальный контур — голова фиксируется в установленной плоскости. Прослеживают сагиттальный профиль затылка от места наиболее ясного перехода верхней поверхности головы в заднюю до уровня сосцевидных отростков. Учитывается общий контур. Различаются три типа:

I. Угловатый, характерно сравнительно низкое положение выступа;

II. Средний — неопределенный.

III. — округлый, образующий равномерный загиб; наиболее выпуклая точка лежит обычно выше, заметного выступа нет. Длинные густые волосы мешают определить контур, в этих случаях следует проследить контур на ощупь. В сомнительных случаях пункт не заполняется.

10. Профиль нижней части лица — стр. 265.

11. Выступление скул — в горизонтальной плоскости. Рассматривают голову, установленную в промежуточном положении между фасом и профилем, приблизительно в 3/4; прослеживают вертикальное сечение лица, происходящее через наружный край глазницы. Различают три типа: 1 — выступающие скулы, отрезок профильной линии ниже глазницы заметно уклоняется в латеральном направлении, указывающем на положении большей части скуловых костей в одной фронтальной плоскости, то есть уплощенность скул; 2 — средний тип — названный отрезок лежит, примерно, в одной плоскости с глазным отделом; 3 — изогнутые или суженные скулы — названный отрезок сдвинут в медиальном направлении относительно глазничного края.

12. Горизонт проф. лица — стр. 265.

13. Лицо, форма — стр. 263.

14. Губы, профиль — стр. 267.

15. Верхнее веко, набухание — стр. 269.

16. Верхнее веко, складка. Определяется наличие складки, то есть двухслойного разрастания кожи, независимо от степени набухания от места отхождения складки и от ее

протяженности. Тип 0 — отсутствие складки; тип I — небольшая складка; тип II — складка хорошо заметная, покрывает около половины вертикального сечения века; тип III — складка начинается высоко, развита почти по всему вертикальному сечению века, но не закрывает ресничного края; IV тип — складка покрывает все веко, начинается непосредственно под бровями, в нижнем своем конце закрывает ресничный край века.

17. Протяжение складки верхнего века. Отмечается в тех случаях, когда складка имеется, в противном случае графа остается незаполненной. Признак определяется независимо от величины складки и степени набухания. Отмечают участки на которых развита складка: назальный (), или медиальный (), или латеральный (), то есть обводят одну букву, или две, или все три.

18. Переносье, высота — стр. 265.

19. Нос, профиль спинки — различают 8 типов; при определении их исходной служит мысленная прямая линия, соединяющая переносье и кончик носа. Первые три типа характеризуются вогнутым профилем:

I-й тип, обозначаемый — 3, изогнутость имеется на протяжении большей части спинки и особенно нижней ее трети; II тип — 2, изогнутость в верхней средней трети, но не нижней;

III тип — 1, изогнутость только в верхней трети спинки;

IV тип — 0, прямая спинка;

V тип — [пусто] — вогнутый или неопределенный контур.

Последние три типа характеризуются выпуклостью профиля:

VI-й тип — 1, выпуклость имеется лишь в нижней трети спинки;

VII тип — 2, имеется выпуклый изгиб в средней трети;

VIII тип — 3, выпуклость имеется в верхней трети спинки носа.

20. Нос, положение основания — стр. 267.

21. Кончик носа, положение — стр. 236.

22. Крылья носа, выступание — стр. 267 [АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 362. Л. 1–4].

Благодарности

Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за сделанные замечания, которые позволили не только улучшить текст в процессе его подготовки к публикации, но и избежать досадных ошибок.

Сокращения

АРАН — Архив Российской академии наук

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

Архивные материалы

АРАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 196. Секретариат Президиума АН СССР. Переписка об антропологическом обследовании, проводимом Институтом этнографии. 1945 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 42. Институт этнографии АН СССР. Протоколы заседаний сектора антропологии. 1944 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 1/1712. Д. 3. Институт этнографии АН СССР. Переписка по организации антропологической экспедиции по обследованию военнопленных и другая научно-организационная и административная переписка. 1945 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 1/1712. Д. 6. Институт этнографии АН СССР. Отзывы о диссертациях, протоколы заседания счетных комиссий, аннотация работы «Исследование этнического состава населения Центральной и Юго-Восточной Европы», представленной на соискание Сталинской премии, научная переписка. 1946 г.

АРАН. Ф. 457. Оп. 1А. Д. 37. Протоколы заседаний Бюро Отделения истории и философии АН СССР. 1943 г.

АРАН. Ф. 1869. Оп. 1. Д. 362. С.П. Толстов. «Инструкция для антропологического обследования военнопленных, 1945» (неустановленный автор).

ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 46а. Д. 6003. Совнарком СССР. Переписка по вопросам Академии наук СССР. 1944 г.

Источники

А.Н. Антропологическая работа в Киеве // Русский антропологический журнал. 1930. Т. 19. № 3–4. С. 202–204.

[Женевская конвенция 1949] Конвенция об обращении с военнопленными, 12 августа 1949 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Госполитиздат, 1957. Вып. 16: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января и 31 декабря 1954 года. С. 125–204.

[ЛГ 1971] Больных не предупреждали...: сокращенный перевод из английского журнала «Нью стайтсмен» // Литературная газета. 1971, 17 нояб. № 47. С. 11.

[Правда 1943] Историческая победа Красной Армии // Правда. 1943, 4 фев. № 35. С. 1.

Рабинович М.Г. Институт этнографии Академии наук в годы Великой Отечественной войны // Краткие сообщения Института этнографии. М.: АН СССР, 1946. Вып. 1. С. 112–113.

Рабинович М.Г. Записки советского интеллектуала. М.: НЛО, 2005. 392 с.

Руденко Р.А. (общ. ред.). Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. мат-лов: В 7 т. М.: Госюриздат, 1959. Т. 4: Военные преступления и преступления против человечности. 896 с.

- Юдин Б.Г. (гл. ред.). Аналитические материалы по проекту «Анализ нормативно-правовой базы в области прав человека в контексте биомеханических исследований и выработка рекомендаций по их совершенствованию». М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2007. 341 с.
- Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10.* Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1949. Vol. 1: "The Medical Case". Nuernberg. October 1946 — April 1949. 1004 p.

Библиография

- Анучин Д.Н. О географическом распределении роста мужского населения России (по данным о всеобщей воинской повинности в Империи за 1873–1883 гг.) сравнительно с распределением роста в других странах. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1889. 184 с.
- Балабан Н.И., Молочек А.И. Строение тела шизофренических татар Крыма // Русский антропологический журнал. 1926. Т. 14. № 3–4. С. 73–77.
- Батьянова Е.П. Шестьдесят лет в российской науке (к 80-летию Анны Васильевны Смоляк) // Харитонова В.И. (отв. ред.), Шаманский дар: к 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 17–29. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 6).
- Батьянова Е.П. Анна Васильевна Смоляк (28 декабря 1920 г. — 4 июня 2003 г.) // Этнографическое обозрение. 2004. № 2. С. 166–169.
- Бунак В.В. *Crania armenica*: исследование по антропологии передней Азии. М.: Наука и просвещение, 1927. 263 с.
- Бунак В.В. [Рец. на кн.:] А.А. Григорьева. Нормы физического развития детей г. Киева. «На путях к новому человеку». Сборник II. Киев, 1928 // Русский антропологический журнал. 1930. Т. 19. № 3–4. С. 210–211.
- Вейсенберг С.А. Влияние недоедания и болезней на физическое развитие детей // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. № 3–4. С. 103–114.
- Вишневецкий Б.Н. Материалы для антропологии западных славян // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани. Казань: 5-я гос. тип., 1921. Т. 2. С. 1–32.
- Габинский А.М. К сравнительной характеристике физического развития населения Одесского округа // Русский антропологический журнал. 1929. Т. 18. № 1–2. С. 43–56.
- Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 39–46.
- Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне / Пер. с польск. Я.О. Немчинского. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. 488 с.
- Залкинд Н.Г. Московская школа антропологов в развитии отечественной науки о человеке. М.: АН СССР, 1974. 152 с.

- Зам П.П.* Материалы к антропологии вотяков (удмуртов) Глазовского уезда, Вотской автономной области // Русский антропологический журнал. 1929. Т. 18. № 3–4. С. 7–23.
- Козинцев А.Г.* Наука минус наука: Рец. на кн.: Марина Могильнер. Homo imperii: история физической антропологии в России. М.: НЛЮ, 2008. 512 с. // Антропологический форум. 2009. № 11. С. 429–441.
- Козлов С.Я.* Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Тумаркин Д.Д. (сост.). Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004. С. 397–449.
- Кузьминых А.Л.* Архипелаг ГУПВИ на Европейском Севере СССР (1939–1949 гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 591 с.
- Левин М.Г.* Очерки по истории антропологии в России. М.: АН СССР, 1960. 176 с.
- Левин М.Г.* Некоторые проблемы этнической антропологии Японии // Советская этнография. 1961. № 2. С. 63–75.
- Левин М.Г.* Этническая антропология Японии. М.: Наука, 1971. 236 с.
- Лескинен М.В.* «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое. 2018. № 4. С. 148–163.
doi: 10.23683/2500-3224-2018-4-148-163.
- Михель И.В.* Биоэтика в контексте истории: философские исследования биоэтического движения. Саратов: Саратовский гос. тех. ун-т, 2015. 248 с.
- Могильнер М.* Homo imperii: история физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: НЛЮ, 2008. 512 с.
- Николаев Л.П., Чучукало Г.И.* Национальные и социальные различия в физическом типе преступников // Материалы по антропологии Украины. Харьков: Гос. изд. Украины, 1926. Вып. 2: Национальные и социальные различия в физических признаках населения Украины. С. 108–128.
- Решетов А.М.* Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Тумаркин Д.Д. (сост.). Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи. М.: Наука, 2004. С. 358–396.
- Созинов А.С.* Семь рождений, семь матерей и семь ипостасей биоэтики // Практическая медицина. 2008. Т. 32. № 8. С. 24–30.
- Чебоксаров Н.Н.* Этническая антропология Германии (краткий исторический очерк) // Краткие сообщения Института этнографии. М.: АН СССР, 1946. Вып. 1. С. 55–62.
- Ч[епурковский] Е.* Антропологическое изучение русских военнопленных в Австрии // Русский антропологический журнал. 1916. Т. 10. № 3–4 (39–40). С. 96.
- Шмерлинг С.Г.* К вопросу о национальных и социальных различиях в размерах головы // Русский антропологический журнал. 1929. Т. 18. № 3–4. С. 31–35.
- Шнирельман В.А.* Порог толерантности: идеология и практика нового расизма: В 2 т. М.: НЛЮ, 2011. Т. 1. 552 с.
- Штефко В.Г.* Отношение высоты головы к длине тела в различных возрастах (по наблюдению над голодавшими детьми) // Русский антропологический журнал. 1923. Т. 13. № 1–2. С. 24–29.

- Ярхо А.И.* О взаимоотношении роста, веса и окружности грудной клетки и их значении для оценки физического развития человека // Русский антропологический журнал. 1924. Т. 13. № 3–4. С. 83–102.
- Bounak V.V.* Mouvement anthropologique en Russie depuis 1914 // Revue Anthropologique. 1926. Vol. 36. P. 346–360.
- Johler R., Marchetti C., Scheer M.* (eds.). Doing Anthropology in Wartime and War Zones: World War I and the Cultural Sciences in Europe. Bielefeld: Transcript, 2010. 392 p.
- Lange B.* Die Wiener Forschungen an Kriegsgefangenen 1915–1918: Anthropologische und ethnografische Verfahren im Lager. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2013. 490 S.
- Luschan F.* Über altbosnische Gräber // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1881. Bd. 10. S. 104–114.
- Pösch R.* Bericht über die von der Wiener Anthropologischen Gesellschaft in den k.u.k. Kriegsgefangenenlagern veranlaßten Studien: Überreicht am 8. September 1915 // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1915. Bd. 45. S. 219–235.
- Pösch R.* Anthropologische Studien an Kriegsgefangenen // Die Umschau: Wochenschrift über die Fortschritte in Wissenschaft und Technik. 1916. Bd. 20. No. 50. S. 988–991.
- Reitzenstein J.* Das SS-Ahnenerbe und die “Straßburger Schädelammlung” — Fritz Bauers letzter Fall. B.: Duncker & Humblot, 2019. XIV+496 S. (Zeitgeschichtliche Forschungen. Bd. 52).
- Teschler-Nicola M.* Felix von Luschan und die Wiener Anthropologische Gesellschaft // Ruggendorfer P., Szemethy H.D. (Hrsg.). Felix von Luschan (1854–1924): Leben und Wirken eines Universalgelehrten. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2009. S. 55–79.

Anthropological Research in Soviet Prisoner-of-War Camps in the 1940s

Petr Druzhinin

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka Str., Moscow, Russia
petr@druzhinin.ru

The article fills an important gap in the history of Russian (Soviet) physical anthropology. Based on previously secret archival papers discovered by the author, the history of anthropological research in prisoner-of-war camps on the territory of the USSR in the 1940s is revealed. Following the example of anthropologists during World War I, Soviet anthropologists, led by Viktor Bunak, initiated and carried out an extensive research program under the auspices of the Presidium of the USSR Academy of Sciences in close cooperation with the NKVD authorities. The published archival materials

strictly document the work of the scientists, who in 1943 proposed the idea of this large-scale study, and presented the project to the Deputy Chairman of the Council of People's Commissars, Andrey Vyshinsky. The immediate permission to conduct the expedition was personally given by Lavrentiy Beria. The project was carried out in 1944–1946 under strict secrecy, which also was extended to the publication of its results. Specific information is provided on the conduct of anthropological research in a number of prisoner-of-war camps, the composition of the expedition, instructions, and methodologies. The article analyzes the reasons why the entire history and results of this project remained classified as secret until the collapse of the USSR. The article is preceded by a review of anthropological research by Russian (Soviet) scientists involving special contingents as informants, explaining why special contingents (army conscripts, military personnel, mentally ill individuals, prisoners in prisons and camps) were actively used in anthropological research.

Keywords: physical anthropology, secret research, prisoners of war, Viktor Bunak, USSR Academy of Sciences, NKVD.

Acknowledgments

I express my gratitude to the anonymous reviewers for their comments, which made it possible not only to improve the text in the process of preparing it for publication, but also to avoid embarrassing errors.

References

- Anuchin D. N., *O geograficheskom raspredelenii rosta muzhskogo naseleniya Rossii (po dannym o vseobshchey voinskoy povinnosti v Imperii za 1873–1883 gg.) sravnitelno s raspredeleniem rosta v drugikh stranakh* [On the Geographical Distribution of the Growth of the Male Population of Russia (According to Data on Universal Conscription in the Empire for 1873–1883) in Comparison with the Distribution of Growth in Other Countries]. St Petersburg: V. Bezobrazov Printing House, 1889, 184 pp. (In Russian).
- Balaban N. I., Molochek A. I., 'Stroenie tela shizofrennykh tatar Kryma' [The Constitution of the Schizophrenic Tatars of Crimea], *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1926, vol. 14, no. 3–4, pp. 73–77. (In Russian).
- Batyanova E. P., 'Shestdesyat let v rossiyskoy nauke (k 80-letiyu Anny Vasilevny Smolyak)' [Sixty Years in Russian Science (On the 80th Birthday of Anna Vasilyevna Smolyak)], Kharitonova V. I., (ed.), *Shamanskiy dar: k 80-letiyu doktora istoricheskikh nauk Anny Vasilevny Smolyak* [Shamanic Gift: On the 80th Birthday of Anna Vasilyevna Smolyak, Doctor of Historical Sciences]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS Press, 2000, pp. 17–29. (Etnologicheskie issledovaniya po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniyam i praktikam [Ethnological Studies on Shamanism and Other Traditional Beliefs and Practices], vol. 6). (In Russian).

- Batyanova E. P., 'Anna Vasilevna Smolyak (28 dekabrya 1920 g. — 4 iyunya 2003 g.)' [Anna Vasilyevna Smolyak (December 28 1920 — June 4 2003)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2004, no. 2, pp. 166–169. (In Russian).
- Bounak V. V., 'Mouvement anthropologique en Russie depuis 1914', *Revue Anthropologique*, 1926, vol. 36, pp. 346–360.
- Bunak V. V., *Crania armenica: issledovanie po antropologii peredney Azii* [Crania Armenica: A Study on the Anthropology of Western Asia]. Moscow: Nauka i prosveshchenie, 1927, 263 pp. (In Russian).
- Bunak V. V., 'Rets. na kn.: A. A. Grigoreva. Normy fizicheskogo razvitiya detey g. Kieva. "Na putyakh k novomu cheloveku". Sbornik II. Kiev, 1928' [A Review of A. A. Grigoryeva, The Norms of Physical Development of the Children of Kyiv, "On the Path to the New Person", collection II, Kyiv, 1928], *Russkiy antropologicheskij zhurnal*, 1930, vol. 19, no. 3–4, pp. 210–211. (In Russian).
- Cheboksarov N. N., 'Etnicheskaya antropologiya Germanii (kratkiy istoricheskiy ocherk)' [Ethnic Anthropology of Germany (Brief Historical Sketch)], *Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii* [The Institute of Ethnography Brief Reports]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1946, is. 1, pp. 55–62. (In Russian).
- Ch[epurovskiy] E., 'Antropologicheskoe izuchenie russkikh voennoplennykh v Avstrii' [Anthropological Study of Russian Prisoners of War in Austria], *Russkiy antropologicheskij zhurnal*, 1916, vol. 10, no. 3–4 (39–40), pp. 96. (In Russian).
- Datner S., *Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych armii regularnych w II wojnie światowej*. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1961, 409 ss.
- Gabinskiy A. M., 'K sravnitelnoy kharakteristike fizicheskogo razvitiya naseleniya Odesskogo okruga' [Toward a Comparative Description of the Physical Development of the Population of the Odessa District], *Russkiy antropologicheskij zhurnal*, 1929, vol. 18, no. 1–2, pp. 43–56. (In Russian).
- Galitskiy V. P., 'Vrazheskie voennoplennyye v SSSR (1941–1945 gg.)' [Enemy Prisoners of War in the USSR (1941–1945)], *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, 1990, no. 9, pp. 39–46. (In Russian).
- Johler R., Marchetti C., Scheer M. (eds.), *Doing Anthropology in Wartime and War Zones: World War I and the Cultural Sciences in Europe*. Bielfeld: Transcript, 2010, 392 pp.
- Kozintsev A. G., 'Nauka minus nauka: Rets. na kn.: Marina Mogilner. Homo imperii: istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii. M.: NLO, 2008. 512 s.' [Science Minus Science: A Review of Marina Mogilner, Homo Imperii: A History of Physical Anthropology in Russia. Moscow: NLO, 2008, 512 pp.], *Antropologicheskij forum*, 2009, no. 11, pp. 429–441. (In Russian).
- Kozlov S. Ya., 'Sergey Aleksandrovich Tokarev: "etnograficheskij universitet"' [Sergey Aleksandrovich Tokarev: "Ethnographic University"], Tumar-kin D. D. (comp.), *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi* [Outstanding Domestic Ethnologists and Anthropologists]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 397–449. (In Russian).

- Kuzminykh A. L., *Arhipelag GUPVI na Evropeyskom Severe SSSR (1939–1949 gg.)* [Archipelago of the Main Directorate for Prisoners of War and Internees in the European North of the USSR (1939–1949)]. Moscow: ROSSPEN, 2017, 591 pp. (In Russian).
- Lange B. *Die Wiener Forschungen an Kriegsgefangenen 1915–1918: Anthropologische und ethnografische Verfahren im Lager*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2013, 490 SS.
- Leskinen M. V., “Chelovecheskie zooparki” v Rossii: k postanovke problemy’ [“Human Zoos” in Russian Empire: On the Beginning of the Research Problem], *Novoe proshloe*, 2018, no. 4, pp. 148–163. doi: 10.23683/2500-3224-2018-4-148-163. (In Russian).
- Levin M. G., *Ocherki po istorii antropologii v Rossii* [Essays on the History of Anthropology in Russia]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960, 176 pp. (In Russian).
- Levin M. G., ‘Nekotorye problemy etnicheskoy antropologii Yaponii’ [Some Problems of Ethnic Anthropology of Japan], *Sovetskaya etnografiya*, 1961, no. 2, pp. 63–75. (In Russian).
- Levin M. G., *Etnicheskaya antropologiya Yaponii* [Ethnic Anthropology of Japan]. Moscow: Nauka, 1971, 236 pp. (In Russian).
- Luschan F., ‘Über altbosnische Gräber’, *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1881, Bd. 10, SS. 104–114.
- Mikhel I. V., *Bioetika v kontekste istorii: filosofskie issledovaniya bioeticheskogo dvizheniya* [Bioethics in the Context of History: Philosophical Studies of the Bioethical Movement]. Saratov: Saratov State Technical University Press, 2015, 248 pp. (In Russian).
- Mogilner M., *Homo imperii: istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo Imperii: History of Physical Anthropology in Russia (Late 19th — Early 20th Centuries)]. Moscow: NLO, 2008, 512 pp. (In Russian).
- Nikolaev L. P., Chuchukalo G. I., ‘Natsionalnye i sotsialnye razlichiya v fizicheskom tipe prestupnikov’ [National and Social Differences in the Physical Type of Criminals], *Materialy po antropologii Ukrainy* [Materials on the Anthropology of Ukraine]. Kharkiv: State Publishing House of Ukraine, 1926, is. 2: *Natsionalnye i sotsialnye razlichiya v fizicheskikh priznakakh naseleniya Ukrainy* [National and Social Differences in the Physical Characteristics of the Population of Ukraine], pp. 108–128. (In Russian).
- Pöch R., ‘Bericht über die von der Wiener Anthropologischen Gesellschaft in den k.u.k. Kriegsgefangenenlagern veranlaßten Studien: Überreicht am 8. September 1915’, *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, 1915, Bd. 45, SS. 219–235.
- Pöch R., ‘Anthropologische Studien an Kriegsgefangenen’, *Die Umschau: Wochenschrift über die Fortschritte in Wissenschaft und Technik*, 1916, Bd. 20, no. 50, SS. 988–991.
- Reitzenstein J., *Das SS-Ahnenerbe und die “Straßburger Schädelammlung” — Fritz Bauers letzter Fall*. Berlin: Duncker & Humblot, 2019, XIV+496 SS. (Zeitgeschichtliche Forschungen, Bd. 52).
- Reshetov A. M., ‘Nikolay Nikolaevich Cheboksarov: portret uchenogo v konetke ego vremeni’ [Nikolai Nikolaevich Cheboksarov: Portrait of

- a Scientist in the Context of His Time], Tumarkin D. D. (comp.), *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi* [Outstanding Domestic Ethnologists and Anthropologists]. Moscow: Nauka, 2004, pp. 358–396. (In Russian).
- Shmerling S. G., 'K voprosu o natsionalnykh i sotsialnykh razlichiyakh v razmerakh golovy' [On the Issue of National and Social Differences in Head Size], *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*, 1929, vol. 18, no. 3–4, pp. 31–35. (In Russian).
- Shnirelman V. A., *Porog tolerantnosti: ideologiya i praktika novogo rasizma* [The Threshold of Tolerance: Ideology and Practice of New Racism], in 2 vols. Moscow: NLO, 2011, vol. 1, 552 pp. (In Russian).
- Shtefko V. G., 'Otnoshenie vysoty golovy k dline tela v razlichnykh vozrastakh (po nablyudeniyu nad golodavshimi detmi)' [The Ratio of Head Height to Body Length at Different Ages (Based on Observations of Starving Children)], *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*, 1923, vol. 13, no. 1–2, pp. 24–29. (In Russian).
- Sozinov A. S., 'Sem rozhdeniy, sem materey i sem ipostasey bioetiki' [Seven Births, Seven Mothers and Seven Hypostases of Bioethics], *Prakticheskaya meditsina*, 2008, vol. 32, no. 8, pp. 24–30. (In Russian).
- Teschler-Nicola M., 'Felix von Luschan und die Wiener Anthropologische Gesellschaft', Ruggendorfer P., Szemethy H. D. (Hrsg.), *Felix von Luschan (1854–1924): Leben und Wirken eines Universalgelehrten*. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2009, SS. 55–79.
- Vishnevskiy B. N., 'Materialy dlya antropologii zapadnykh slavyan' [Materials for the Anthropology of the Western Slavs], *Izvestiya Severo-Vostochnogo arkhеологического i etnografического instituta v gor. Kazani*. Kazan: 5th State Printing House, 1921, vol. 2, pp. 1–32. (In Russian).
- Weissenberg S. A., 'Vliyaniye nedoedaniya i bolezney na fizicheskoe razvitiye detey' [The Influence of Malnutrition and Disease on the Physical Development of Children], *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*, 1924, vol. 13, no. 3–4, pp. 103–114. (In Russian).
- Yarkho A. I., 'O vzaimootnoshenii rosta, vesa i okruzhnosti grudnoy kletki i ikh znachenii dlya otsenki fizicheskogo razvitiya cheloveka' [On the Relationship between Height, Weight and Chest Circumference and Their Significance for Assessing the Physical Development of a Person], *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*, 1924, vol. 13, no. 3–4, pp. 83–102. (In Russian).
- Zalkind N. G., *Moskovskaya shkola antropologov v razvitiy otechestvennoy nauki o cheloveke* [The Moscow School of Anthropologists in the Development of the Human Sciences in Russia]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1974, 152 pp. (In Russian).
- Zam P. P., 'Materialy k antropologii votyakov (udmurtov) Glazovskogo uezda, Votskoy avtonomnoy oblasti' [Materials on the Anthropology of the Votyaks (Udmurts) of the Glazov District, Votsk Autonomous Region], *Russkiy antropologicheskiy zhurnal*, 1929, vol. 18, no. 3–4, pp. 7–23. (In Russian).